

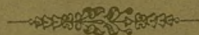
59474

О

ЗНАЧЕНИИ ЖУКОВСКАГО

ВЪ

РУССКОЙ ЖИЗНИ И ПОЭЗИИ.

МОСКВА.

1853.

1968 г.

WU 8
State Uni
http://vitalib.tsu.ru

59474.

О

ЗНАЧЕНИИ ЖУКОВСКАГО ВЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ И ПОЭЗИИ.

=

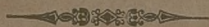
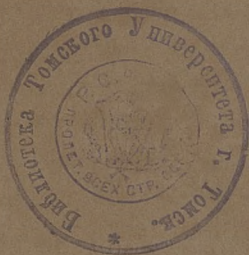
Р Ъ Ч Ъ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНИИ
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Степаномъ Шесыревымъ.

12-ГО ЯНВАРЯ 1855 ГОДА.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1855.

*Кав. Рур. д. и Лит.
прод. Еришова.*

скуп. Н. Милославская 12. II. 1920. — Зр.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1853 года.
Января 28-го дня.

Ценсоръ Д. Ржевскій.

ММ. ГГ.

Въ минувшемъ году, на Оминой недѣль, съ пятницы на субботу, на далекой чужбинѣ, въ цвѣтущемъ уголкѣ Швабїи, совершалось событіе, грустное для сердца всей мыслящей Россіи: умиралъ Жуковскій¹. Еще не минуло ему семи-десяти лѣтъ — не исполнилась мѣра, данная жизни человѣческой, не щадящей для труда силъ своихъ², какъ смерть застала его среди дѣятельности самой бодрой. Въ мысли его, любившей прежде летать по слѣдамъ другихъ поэтовъ, начинался трудъ самобытный. Онъ называлъ начатую свою поэму лебединой своею пѣснью. Онъ готовилъ въ ней «результатъ всѣхъ послѣднихъ трудовъ своихъ». Онъ, столько совершившій для Отечества, смиренно молилъ у Бога еще десяти лѣтъ жизни и здоровья, чтобы, говоря его же словами, «употребить ихъ съ пользою, покорствуя Его святой волѣ, и оставить послѣ себя что нибудь дѣльное на добро дѣтямъ своимъ и Отечеству.»³ Еще не успѣли мы налюбоваться стихами его Русской Одиссеи и достойно оцѣнить ихъ, какъ уже неутомимый поэтъ перелагалъ въ Русскіе экзаметры Иліаду Гомеру.⁴ Но художникъ уступалъ отцу; долгъ сердца отклонялъ порывы вдохновенія: воспитаніе дѣтей шло впереди. Дѣтская азбука смѣняла поэму. Всѣ ра-

боты сосредоточивались въ приготовленіи предварительнаго курса ученія для дѣтей. Ни силъ, ни зрѣнія не щадилъ старецъ для своей прекрасной задачи. Онъ самъ разсказывалъ дѣтямъ своимъ послѣднюю вечерю Господа, Его Геосиманскую молитву, и трогалъ ихъ до слезъ. Дѣтямъ же пѣлъ онъ на досугъ и свои послѣднія пѣсни. Для нихъ же пропѣлъ онъ своего Царскосельскаго столѣтняго Лебедя и въ прекрасномъ образѣ его смерти чудесно предсказалъ намъ свою кончину⁵.

Когда послѣдняя болѣзнь ясно возвѣстила ему приближеніе вѣчности, онъ встрѣтилъ ее безтрепетно. Вѣра благодатнымъ свѣтомъ своимъ озарила всѣ послѣдніе дни и минуты его жизни. Дума о сиротахъ своихъ навела было облако грусти на глаза умиравшаго, но скоро и оно разсѣялось въ томъ же благодатномъ свѣтѣ. Сердце, хранившее въ себѣ чистоту какъ сокровище, легко открылось Богу передъ посланникомъ Вѣры и въ чистотѣ своей, еще на землѣ, предвкусило зрѣніе Небеснаго. Уста его, вѣрные служители цѣломудреннаго слова, передъ тѣмъ какъ смежиться на вѣки, вмѣстѣ съ младенческими устами дѣтей, произносили Молитву Господню и исповѣданіе передъ Причащеніемъ. Поэтъ, столько постигавшій цѣну земнаго страданія, былъ удостоенъ того, чтобы съ полнымъ сознаніемъ прочувствовать и осилить послѣднее страданіе, ожидающее каждаго человѣка, предсмертную борьбу души съ тѣломъ. Онъ ясно выразилъ намъ состояніе души своей въ эти послѣднія минуты въ тѣхъ словахъ, которыя обратилъ къ семьѣ своей: «Поди, скажи матери (такъ умирающій говорилъ дочери своей): я теперь нахожусь въ ковчегъ и высылаю перваго голубя — это моя вѣра, другой голубь мой — это терпѣніе.» Послѣднимъ словомъ его было: «Теперь остается только матеріальная борьба: душа уже готова!» Въ сжатой силѣ такихъ словъ таится глубокій смыслъ многихъ дивныхъ поэмъ, которыхъ содержаніе тайна цѣлой жизни.

На вѣншнемъ образѣ смерти всего болѣе поражаютъ насъ навсегда замкнутыя уста милаго человѣка, который недавно еще бесѣдовалъ съ нами; но ни на чьихъ устахъ это без-

молвіе столько не бываетъ разительно, какъ на милыхъ всѣмъ, на счастливыхъ устахъ поэта, которыми сладость и красота родной рѣчи нашей просились къ намъ прямо въ душу и въ сердце.

Такъ замолкли навсегда уста Жуковского, и такова была его кончина. Пускай Германія, въ послѣдніе годы его жизни, отняла у насъ поэта; но кончина снова возвратила его намъ. Не изъ западной жизни проистекла она. Эта свѣтлая, эта тихая, эта послѣдняя минута нашего поэта-праведника, вмѣстившая для насъ всю его вѣчность, даромъ озарила темныя, протекшія тучи безумныхъ бурь тревожнаго запада: кому же было тамъ понять ее и замѣтить? Только нашему сердцу, издаലെка, сказалась она понятно, какъ плодъ нашей жизни, нашей земли, нашей Вѣры, на ней растущей.

Кто цѣнить Русское искусство, тотъ задумается грустно, глядя на истекшій годъ: могила Гоголя, могила Жуковского, могила Загоскина, могила Брюллова! Четыре печальныхъ креста, въ немногіе мѣсяцы, скрыли отъ насъ четырехъ нашихъ лучшихъ художниковъ, въ произведеніяхъ которыхъ выражался гений Русскаго искусства. Но не будемъ терять времени въ празднои грусти о томъ, что ихъ уже нѣтъ съ нами, а благодарно будемъ стараться опредѣлить то, чѣмъ они для насъ были при жизни. Сѣмя не взойдетъ, пока не умерло: такъ бываетъ и съ человѣкомъ. Жизнь и слово его, по смерти, воскресаютъ передъ нами въ новомъ свѣтѣ и величїи: — не потому ли, какъ сказалъ старшій изъ четырехъ умершихъ, что

Для сердца прошедшее вѣчно?⁶

Возвратимъ же мыслію это прекрасное прошедшее; возобновимъ, освѣжимъ, напечатлѣмъ его въ нашей памяти. Въ немъ есть то, что не умираетъ никогда, что должно всегда пребывать съ нами, что безсмертно, какъ красота души человеческой. Если въ христіанской кончинѣ Жуковского какъ выразился недавно, вспоминая объ немъ, одинъ мудрый старецъ, вѣрно отразилась вся жизнь его, мирная и благотворная⁷, то постараемся раскрыть передъ собою эту жизнь, которая увѣчалась такимъ свѣтлымъ концомъ. Жизнь поэта

въ его поэзіи: дѣла его — слова его, какъ сказалъ онъ самъ.⁸ Съ Жуковскимъ мы положили въ могилу болѣе чѣмъ полустолѣтіе нашей Словесности.⁹ Въ немъ зачалась поэзія нашего вѣка, или точнѣе, та свѣтлая ея сторона, которая влекла насъ въ таинственный міръ души, но въ міръ преображенный. Жуковскій былъ запѣвало всѣхъ тѣхъ славныхъ Русскихъ пѣвцовъ, которые волшебными звуками очаровывали слухъ нашъ, и облекли въ нихъ всѣ завѣтныя думы нашего ума и сердца. Въ первыхъ звукахъ его лиры носятъ мечты, призраки, воспоминанія нашей юности, и какъ счастливы тѣ, чьихъ юность разцвѣла подъ свѣжимъ вліяніемъ чистыхъ звуковъ его поэзіи! Его пѣсни отдаются и въ громахъ священной брани двѣнадцатаго года. Въ Жуковскомъ погребли мы ученика Карамзина и учителя Пушкина. Пѣсня Жуковского, первая, поднялась высоко отъ полей родной земли нашей, и всемірнымъ полетомъ обтекала всѣ страны и народы, любила особенно гостить въ Германіи и въ Англіи, у сѣверныхъ бардовъ, летала въ Испанію, въ древній Римъ, въ Персію, въ Индію, въ древнюю Грецію, и откликалась поэтамъ всѣхъ вѣковъ, не измѣнивъ до конца своей задушевной мысли. Въ поэзіи Жуковского обнаружилась мягкая, любовная, общительная сторона нашей Русской природы. Это поэзія наша во всемірномъ сближеніи съ другими народами, но безъ измѣны коренной основѣ нашей жизни. Какъ же созрѣлъ этотъ прекрасный плодъ въ мірѣ Русской мысли и Русскаго слова?—Постараемся разгадать это, сколько возможно, въ краткомъ объемѣ нашей рѣчи.

Обозримъ сначала въ общихъ чертахъ, по возрастамъ, вѣтшія событія жизни чловѣка: они помогаютъ отчасти разгадывать и внутреннюю жизнь поэта.

Живописную колыбель дала Россія прекрасному пѣвцу своему, въ окрестностяхъ Бѣлева, на берегахъ своенравной Оки. Необозримыя поля бѣгутъ тамъ далеко, далеко, отъ извивовъ рѣчныхъ къ лучезарнымъ небосклонамъ. Поэтъ любилъ красоты своей родины; онъ припоминалъ ихъ въ картинахъ природы чуждой; такъ нѣлъ онъ ихъ, разлучившись съ ними надолго, въ письмѣ къ близкимъ сердцу:

Тамъ небеса и воды ясны!

Тамъ пѣсни птичекъ сладкогласны!

О родина! всѣ дни твои прекрасны!

Гдѣ бѣ ни былъ я, но все съ тобой

Душой.¹⁰

Провидѣніе послало любящую, умную и просвѣщенную Русскую семью, для воспитанія поэта, который родился почти сиротою. Въ ея любовномъ кругу могло разцвѣсть самой чистой любовью его нѣжное отъ природы сердце. Языкъ семейной жизни, къ счастью, былъ Русскій; но гостепріимно и благоразумно приняты языки всѣхъ образованныхъ народовъ. Прекрасный черноволосый мальчикъ, любимецъ семьи, его усыновившей, безопасно игралъ на лонѣ у свѣтлой природы, по зеленымъ и лѣсистымъ холмамъ села Мишенскаго, и позднее, на одномъ изъ нихъ, создалъ новыя, до него неслыханныя звуки Русской поэзіи. Рано взглядъ его проникалъ въ душу его окружавшимъ; рано обнаружилась въ немъ мечтательность, и все предсказывало, какъ будетъ проситься въ душу его слово. Въ ребяческихъ играхъ онъ былъ жизнью семейнаго круга. Въ нѣкоторыхъ чертахъ его дѣтства и отрочества можно бы было провидѣть зародыши будущаго поэта и человека. Пятилѣтній ребенокъ задумалъ списать мѣломъ икону Богоматери. Противъ дерзкихъ товарищей будущій воинъ выступилъ рыцаремъ-защитникомъ слабаго пола. Въ вѣрномъ музыкальномъ ухѣ его рано обнаружился создатель гармоніи Русскаго стиха. Камилль, освободитель отечества, плѣняетъ его дѣтское воображеніе въ играхъ семейнаго театра.¹¹ Четырнадцать лѣтъ, пишетъ онъ *Оду къ добродѣтели*, и тѣмъ предсказываетъ, что добро и красота будутъ всегда дружны въ его поэзіи.¹²

По мѣсту воспитанія, Жуковскій нашъ. Пансіонъ, процвѣтавшій подъ животворною сѣнью этого маститаго первенца Русскихъ Университетовъ, былъ второю его колыбелью. Въ числѣ воспитанниковъ, выражавшихъ на торжественномъ актѣ 1798 года чувства благодарности Шувалову, Мелиссино и Хераскову, желаніемъ имѣть ихъ изображенія всегда передъ собою, былъ и Жуковскій.¹³ Благодарно чтить онъ до конца

жизни память наставника своего, Антонскаго. Мѣсто воспитанія связало его дружбой со многими спутниками жизни. Имя Василя Жуковскаго, 52 года славно украшающее золотую доску Пансіона, доставшуюся въ наслѣдство 4-й Московской Гимназіи, вдохновляло къ труду и ученью столь многихъ младшихъ его товарищей по школь. Пансіонское литературное собраніе учреждено было имъ. Подъ уставомъ, въ первыхъ подписяхъ, красовалось его имя, памятное столь многимъ. *Утренняя зоря*, труды питомцевъ Пансіона, блистала его стихами.

Какія убѣжденія вынесъ Жуковскій изъ мѣста своего воспитанія? По счастливому обычаю того времени, чтобы питомцы изъясняли публично свои мысли и чувства, мы можемъ судить о нихъ. Душа алкала просвѣщенія, радовалась лучамъ его въ отечествѣ, и вѣровала, что оно благотворно тогда, когда озарено истиной религіи. Высокое званіе чело-вѣка напечатлѣно было въ сердцѣ, и брань со страстями признана земнымъ его назначеніемъ. Вѣра въ славу и могущество Россіи вѣчала все. Подъ вліяніемъ старшихъ учителей, Ломоносова и Державина, образъ отечества, воинственный и исполинскій, величаво рисовался въ воображеніи поэта, въ лучахъ новой славы, славы успѣховъ разума и искусства. Народы, съ разныхъ концовъ міра, несутъ вещественные дары Россіи: значительно это изображеніе въ устахъ юноши - поэта, которому назначено было собрать у всѣхъ народовъ міра дары другаго рода, дары мысли и слова, и принести ихъ отечеству.¹⁴ Съ такими убѣжденіями выходилъ Жуковскій изъ школы, во главѣ товарищей своего поколѣнія, блистая дарованіемъ, на встрѣчу новому XIX вѣку, который сіялъ для нихъ новыми надеждами. Самая задушевная изъ этихъ надеждъ была надежда на совершеніе геройскихъ подвиговъ, не на полѣ брани, но въ тишинѣ труда, въ сферѣ мысли, надежда мира со всѣми народами земліи во имя просвѣщенія.¹⁵

Что же это было за новый вѣкъ, котораго ждало молодое поколѣніе съ такимъ нетерпѣніемъ? — Что значать эти смѣны чиселъ въ годахъ и столѣтіяхъ, къ которымъ чело-

вѣкъ привыкъ привязывать новыя надежды и прозрѣнія свои въ будущее? Не есть ли каждый вѣкъ, равно какъ и всякая малая часть времени, съ одной стороны результатъ предъидущаго, а съ другой задача, таблица вопросовъ, для послѣдующаго? Элементы, изъ которыхъ должна была образоваться словесность XIX-го вѣка, заготовлены были трудами второй половины XVIII-го. Франція простерла было свое одностороннее вліяніе повсюду, но Германія снарядила уже всемірныя оружія, чтобы ограничить и ослабить его. Замѣчательно, что то же самое совершила Германія въ наукѣ и словесности, что въ XIX вѣкъ назначено было Россіи совершить въ войнѣ и въ политикѣ. Всѣ пути направлены были къ тому, чтобы всѣмъ народамъ возможно было возобновить свои народныя воспоминанія и сблизиться другъ съ другомъ во взаимномъ общеніи мысли и слова. Что касается до внутренняго содержанія словесности, до души чело-вѣка и его самопознанья, то раздѣленіе между разсудкомъ и чувствомъ, между сферою мысли и сферою жизни, становилось уже для него тягостно, и естественно рождалась потребность цѣльнѣе обнять душу чело-вѣка и помирить въ ней то, что хотѣли расторгнуть насильно ножомъ анализа. Мистицизмъ много старался объ этомъ соединеніи, хотя и не достигалъ цѣли, потому что шелъ путемъ невѣрнымъ. Философія Германіи начиналась въ концѣ вѣка, но еще не знали, куда поведетъ она, или точнѣе куда пойдетъ сама. Всѣ эти стремленія, болѣе или менѣе, отражались и у насъ. Школа разсудка, школа чувства, школа мистическая, имѣли своихъ представителей. Въ это время выступалъ Жуковскій, съ душою ясною, теплою, чистою, независимою отъ школъ — и помимо ихъ, воспріимчивою ко всему прекрасному.

Въ началѣ поприща жизни и Словесности, Жуковского встрѣтилъ и подалъ ему вѣрную руку Карамзинъ. Дружба связала ихъ рано, не смотря на разницу осьмнадцати лѣтъ между ними¹⁶. Теплый кругъ сверстниковъ возбуждалъ Жуковского къ непрерывной дѣятельности. Въ 1801 году основано было новое дружеское литературное общество, въ которомъ Мерзляковъ и Воейковъ принимали также участіе.¹⁷

Литературы Германіи, Англіи, Франціи, предлагали поэту богатый запасъ для изученія. Природа и жизнь влагали въ душу его свое. Рано оплакалъ онъ потерю друга, много цѣнимага. Такъ выражалъ онъ вслухъ свои сердечные стоны: «Куда дѣвалось сердце, которое любило меня любовію чи-
«стѣйшею, мучилось моимъ страданіемъ, восхищалось мо-
«имъ блаженствомъ? Гдѣ мой товарищъ на пути неизвѣ-
«стномъ? Гдѣ другъ мой, съ которымъ я шелъ, рука въ
«руку, безъ робости, безъ трепета, съ безпечнымъ весе-
«лымъ спокойствіемъ?» Любезнымъ прахомъ друга, «драгоцен-
нымъ остаткомъ милой жизни,» онъ клялся быть другомъ
добродѣтели и гордился тѣмъ, что тихая муза его непорочна,
какъ сама природа.¹⁸ Любовь коснулась также его сердца,
но одну мечту нашелъ онъ въ ней:

Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья

И невозвратное надеждъ уничтоженье.¹⁹

По скорби жизни въ душѣ чувствительной глубже открывали родникъ поэзіи. Свѣтлымъ, дотолъ неслыханнымъ ключемъ, забила она изъ сердечной думы поэта. Вся природа превращалась для него тогда въ одну полную пѣсню;²⁰ но любовь, дружба и вѣра освящали ее высшимъ значеніемъ. Между тѣмъ какъ развивался поэтъ, слѣдуя внутреннему своему призванію, — современная жизнь и Словесность требовали своей дани отъ писателя, главы молодого поколѣнія. Карамзинъ оставилъ тогда уже современную литературу и погрузился всею мыслию души въ великое прошедшее нашего отечества. Въ тоже самое время, какъ Жуковский готовъ былъ увлекаться въ міръ мечты и очарованія, въ прозѣ переводилъ онъ Донъ Кишота — романъ, разсѣявшій всѣ волшебные призраки рыцарской мечтательности. И другіе прозаическіе переводы отвлекали его отъ поэзіи.²¹ Два года отдалъ онъ журнальной дѣятельности — не болѣе. Въ это краткое время онъ успѣлъ передать читателямъ нѣсколько здравыхъ сужденій о критикѣ, встрѣтить сочувствіемъ и умнымъ словомъ Басни Крылова, вызвать къ труду біографа Суворова. По замыслы Жуковского, какъ журналиста, были

слишкомъ мечтательны. Онъ желалъ, чтобы «журналисты «составили согласное, исполненное взаимнаго доброжелательства семейство авторовъ, семейство, въ которомъ каждый «членъ, имѣя въ виду и пользу и усовершенствованіе другихъ сочленовъ своихъ, безъ всякаго пристрастія замѣчалъ «бы ихъ ошибки, предлагалъ имъ свои замѣчанія, не повелительнымъ языкомъ учителя, не съ колкою насмѣшливостію соперника, но съ кроткою, благородною непринужденностію любителя истины.»^{22 а} Волшебный замокъ такого журнализма скоро исчезъ въ головѣ поэта—и тѣмъ искреннѣе предался онъ своему настоящему призванію.

А между тѣмъ слава уже отсюду собирала поэту вѣрныя дани. Сердца, приготовленные Карамзинымъ, очарованы были музою Жуковскаго. Кто изъ читавшихъ тогда не любилъ задумываться надъ Сельскимъ Кладбищемъ? Кто не сливалъ пламени любви съ надеждою на безсмертіе, читая посланіе къ Нингъ? Кто не плакалъ надъ Бѣднымъ Пѣвцомъ? *Дуброва шумитъ, Мой другъ храбритель ангелъ мой* — передавались изъ устъ въ уста. Первая баллада—*Людмила*, была ко времени. Невѣсты вмѣстѣ съ нею грѣшили тайнымъ ропотомъ за жениховъ своихъ, увлеченныхъ войнами новаго бурнаго вѣка, измѣнившихъ надеждамъ мирнымъ. Не одна Русская дѣва оплакала тогда мертвеца въ своемъ суженомъ. Признаки разочарованья въ жизни мелькнули грустно въ посланіи къ Филалету, но въ другомъ посланіи къ Батюшкову поэтъ высказалъ задушевную мысль своей поэзіи и произнесъ объѣтъ боготворить любовію только то, что благо и что прекрасно. А между тѣмъ богиня фантазія, подъ внушеніемъ Нѣмецкой музы, причудливо играла мечтами поэта Русскаго. Волшебныя замки съ ихъ легендами переносились съ береговъ Рейна и Дуная на берега Днѣпра и Москвы рѣки. *Марина роца* огласилась чувствительнымъ преданіемъ объ Маріи и Усладѣ. Громобой совершилъ свою ужасную клятву. Очарованнымъ сномъ заснули прекрасныя дѣвы. *Вадимъ Новгородскій* надѣлъ латы рыцаря среднихъ вѣковъ, и по звону вѣщаго колокольчика пошелъ и разбудилъ ихъ.^{22 б} А вотъ за полунѣмочкой Людмилой, которую похи-

тилъ женихъ-мертвецъ, явилась въ сарафанъ, Русская красавица, *Светлана*, на святочномъ вечерѣ, и загадала свою сердечную думу въ зеркало, и совершался дивно-страшный сонъ ея, и увлекалъ въ міръ мечты сердца дѣвъ и юношей, какъ вдругъ грозная дѣйствительность разрушила грѣзы поэта, и вмѣсто лиры дала ему мечъ.

Надъ Россіей разразилась гроза двѣнадцатаго года: тогда, во всѣхъ милліонахъ Русскаго народа забилося одно сердце, запылала одна мысль. Поэтъ жилъ въ деревнѣ, въ окрестностяхъ Орла. Слухи о побѣдахъ и приближеніи непріятеля тревожили миръ его вдохновеній. Задрожало сердце, благословляя родину въ священный часъ ея опасности. 2-го Августа онъ уѣхалъ къ арміи. Въ стѣнахъ Москвы, готовившей себя на костеръ сожженія за всю землю Русскую, Карамзинъ, отъ прошедшаго возвращаясь къ настоящему, въ домъ Графа Ростопчина, вдохновенно пророчилъ гибель Наполеону. Самъ не будучи въ состояніи «сѣсть на коня и примкнуть себя къ арміи,» благословилъ на войну Жуковского. 10-го Августа онъ вступилъ въ Московское ополченіе Поручикомъ.²³ Подъ Бородинымъ, вмѣстѣ съ другими волонтерами, былъ въ строю. Здѣсь, подъ свистомъ ядеръ и пуль, черпалъ онъ силы для новыхъ, неиспытанныхъ еще восторговъ:

Досель тихимъ лишь полямъ
Моя играла лира....
Вдругъ жребій выпалъ: къ знаменамъ!
Прости, и сладость мира,
И отчій край, и кругъ друзей,
И трудъ уединенный,
И все.... я тамъ, гдѣ стукъ мечей,
Гдѣ ужасы войны.

По взятіи Москвы, Кайсаровъ представилъ Жуковского Фельдмаршалу Кутузову. Съ тѣхъ поръ онъ не покидалъ уже арміи до самой побѣды подъ Краснымъ. Въ Тарутинскомъ лагерѣ, не задолго до битвы, разбившей Мюрата и положившей начало бѣгству войскъ Наполеоновыхъ, написанъ былъ *Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ*. Его строфы,

звуча изъ устъ въ уста, одушевляли всехъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Тарутинскомъ станѣ, пѣвецъ, среди лунной ночи, изобразилъ намъ себя:

Когда пылала предъ Москвою
Святая Русская война —
Въ рядахъ отечественной рати,
Пѣвецъ, по слуху знавши бой,
Стоялъ я съ лирой боевой
И мценье пылъ для ратныхъ братій.
Я помню ночь....²⁴

Луна, какъ бранный щитъ, рдѣла во мракъ; въ безмолвіи стана лишь только стража окликала стражу; костры пламени дымились; чернѣли козаки подъ своими косматыми бурками; сверкали въ лучахъ мѣсяца ряды острыхъ копій; дремали кони надъ спящими уланами; стояли пушки съ готовыми громами; фитиль роковой курился; рдѣли на дальнемъ небосклонѣ дымные биваки враговъ; чернѣли въ ужасномъ образѣ тѣла, забытыя въ пыли, на яркихъ лучахъ мѣсяца, а Рокъ между тѣмъ, молча, стоялъ надъ усыпленною ратью, держалъ въ рукъ жребіи и замѣчалъ лица имъ обреченныхъ. Среди этихъ ужасовъ войны и смерти, что совершалось тогда въ ясной душѣ поэта? Ему свѣтила привычной преместью звѣзда вечерняя; неизмѣняемо сіяла луна съ роднаго неба; благоухалъ лѣсъ; ласкались къ берегамъ воды, отражая ихъ; порхалъ вѣтерокъ надъ цвѣтами благовонными, надъ лономъ зыбей, надъ знаменами, надъ рядами богатырей спящихъ.... Чисто и спокойно отражалось все твореніе Божіе въ ясной, невозмущенной душѣ поэта:

оно не знало
О человѣческихъ бѣдахъ,
И беззаботно ожидало,
Что ночь пройдетъ, и въ небесахъ
Опять засвѣтится денница.

Послѣ четырехъ побѣдъ подъ Краснымъ, Жуковскій привѣтствовалъ посланіемъ новаго Князя Смоленскаго, «выбраннаго единою вождя побѣдителей, спасителя родины,» и пылъ

гибель самихъ «слѣдовъ великаго народа.» Стихи были напечатаны при главной квартирѣ дѣйствующей арміи.²⁵ Вскорѣ тяжкая болѣзнь постигла пѣвца, непривыкшаго къ военной жизни. Изнуренный силами, онъ возвратился домой, 6-го Января 1813 года, испытавъ на себѣ всѣ ужасы и бѣдствія войны.²⁶ Но скоро воздухъ родины и миръ семейный возвратили ему силы: повѣяло прежнимъ вдохновеніемъ; еще зрѣлье явилось оно. Въ концѣ 1814 года пѣвецъ брани заключилъ пѣснью мира на стѣнахъ освобожденнаго Кремля. Въ 1815 написано: Посланіе къ Императору Александру.

✕ Въ этомъ же году Жуковскій переселился въ Петербургъ. Свѣтъ встрѣтилъ его самыми льстивыми похвалами. Женщины высшаго круга читали ему наизусть стихи его, или заставляли читать дѣтей своихъ. Слава породила зависть. Жуковскій сдѣлался предметомъ жаркой литературной войны между его друзьями и противниками, самъ однако не принимая въ ней участія. Обошечія свѣта на него не дѣйствовали. Всего болѣе опасался онъ свѣтской славы, понапрасну раздражающей душу, и свѣтскаго разсѣянія, врага труда и вдохновенію, роднаго брата пустотѣ душевной. Такъ дѣлился онъ въ то время этими чувствами въ письмахъ къ близкимъ сердцу: «Бѣда писателю, если вздумаетъ имѣть въ виду эту безславную славу, эти низкія почести, если у него душа доступна для оскорбленій глупцовъ и невѣждъ. Я благодаренъ этому глупому случаю: онъ болѣе познакомилъ меня съ самимъ собой. Я теперь знаю, что люблю поэзію для нея самой».... «Непріятное, не оживленное никакою привязанностію разсѣяніе самымъ тяжелымъ образомъ отвлекаетъ отъ всякаго воспоминанія: оно не лечитъ, а только даетъ пріемъ усыпительнаго опіума, производящаго тяжелый сонъ, нарушаемый неясными и непріятными сновидѣніями....

Обвитый розами скелетъ:

это можно сказать не объ одной славѣ, но и о жизни, то есть, о томъ что называютъ жить въ обыкновенномъ смыслѣ, объ этомъ безпрестанномъ движеніи, объ этихъ разговорахъ безъ интереса, объ этихъ свиданіяхъ безъ радости

и разлукахъ безъ сожалѣнія, объ этомъ хаосѣ свѣта — скелеть! скелеть! И посмотрѣть на него вблизи убійственно, даже для самого уединенія. Большая часть мечтаній должна погибнуть! То что дѣлаетъ иногда прелесть уединенія—эта даль, населенная прекраснымъ твореніемъ, исчезаетъ — но тѣмъ лучше! Все сблизить вокругъ себя, окружить себя однимъ только своимъ, независимымъ ни отъ чего, и если останешься съ *малымъ*, то по крайней мѣрѣ съ *спрымъ*.»²⁷

Къ тѣмъ же годамъ относится воспоминаніе объ Арзамасскомъ обществѣ. Литературный кругъ, означенный этимъ именемъ, занимаетъ важное мѣсто въ лѣтописяхъ Исторіи Русской Словесности. Въ немъ сіяютъ имена, равно славныя на поприщахъ государственномъ и литературномъ. Многія изъ нихъ связаны съ исторіей просвѣщенія нынѣшняго Царствованія. Карамзинъ издали оживлялъ своимъ теплымъ участіемъ труды младшихъ своихъ товарищей и друзей. Жуковский былъ душою всѣхъ. Около него соединились: Батюшковъ, Князь Вяземскій, Уваровъ, Елудовъ, Дашковъ, Северинъ, Александръ Тургеневъ. Въ этомъ кругу открылся въ первый разъ и геній Пушкина. Всѣ члены круга приняли имена славныхъ балладъ Жуковского. Онъ же самъ почтенъ былъ отъ всѣхъ прекраснымъ именемъ *Свѣтланы*. Важность и шутка соединились здѣсь въ самомъ дружномъ общеніи. Мечта Жуковского о сословіи литераторовъ, основанномъ на желаніи взаимнаго совершенствованія, свершалась въ очью. Связь друзей Арзамасскаго общества утверждена была не на лъстивой похвалѣ другъ другу, а на самомъ искреннемъ выраженіи мнѣній своихъ для взаимной пользы. Строгая, взыскательная критика просвѣщенныхъ друзей замѣчала каждое пятнышко въ литературномъ произведеніи и не смягчала суда своего. Памятно и послѣ отдавались въ ушахъ товарищей слова неумолимаго Дашкова: *подавай пожитицы!* Жуковский говорилъ:

Внимай избраннымъ судіямъ:

Ихъ приговоръ зеркало намъ;

Ихъ одобреніе намъ награда,

А порицаніе ограда

Отъ убивающа даръ
Надменной мысли совершенства.
Хвала воспламеняетъ жаръ;
Но намъ не въ ней искать блаженства,
Въ трудъ....²⁸

Такимъ-то трудомъ, такимъ судомъ разборчивымъ воспитаніемъ изящный стиль поэзіи Жуковского и Батюшкова. Здѣсь пересмотрѣны были и всѣ первыя ихъ произведенія. Въ шутиливой сторонѣ бесѣдъ Арзамасскаго круга выразилась неистощимая въ шуткахъ веселость Жуковского. Его милая, ребячески добродушная и всегда остроумная рѣзвость оживляла кругъ семьи и дружбы, гдѣ онъ могъ искренно открывать свою душу. Поразительны эти противоположныя явленія между жизнію и поэзіею. Задумчивъ и грустенъ Жуковскій въ стихахъ своихъ, а въ жизни бывалъ веселъ до рѣзвости. Также задумчивъ и грустенъ былъ Гоголь въ жизни, а кто въ поэзіи когда-либо смѣшилъ насъ, какъ онъ?

Въ это же самое время выпала Жуковскому высокая доля быть наставникомъ въ Русскомъ словѣ при Государынѣ Императрицѣ (тогда еще Великой Княгинѣ), Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Дмитріевъ, Уваровъ и Нелединскій ввели Жуковского въ Царскую семью.²⁹ Августѣйшая Мать двухъ Императоровъ и незабвенная Мать Русскаго народа осыпала пѣвца самыми цѣнными милостями. Ея ободряющему вниманію читалъ онъ свои Баллады и посвящалъ поэтическіе ландшафты лунныхъ ночей въ *Подробномъ отчетѣ объ лунѣ*. Радости и скорби, слава, благодать и красота нашего Царскаго Дома, живымъ сочувствіемъ, отзывались на его вѣрной лирѣ. При Дворѣ, окруженный приманками земной славы, обаяніемъ чести и богатствъ, онъ умѣлъ сохранить чистоту добродушнаго сердца, чувство неизмѣнной правды, непорочную вѣрность души, умѣренность въ желаніяхъ жизни.

Между тѣмъ новая великая задача ожидала Поэта. Царственный Младенецъ выросалъ въ Отрока. Жуковскій пѣлъ Его рожденіе въ Москвѣ. Кремль,

Протекшимъ мимо рокомъ
Нетронутый свидѣтель Божества,

былъ Его колыбелью. Думы о великомъ давно-минувшемъ Отечества и о новой славъ, озарившей его въ пожаръ Московскомъ и въ воскреснемъ Кремль, одушевляли его приветную пѣсню. Не разъ въщймъ пророчествомъ отзывалась лира Русскихъ поэтовъ. Вспомнимъ слова Державина у колыбели Александра:

Будь на тронъ человекъ!

Вспомнимъ другое слово его же, у купели Младенца, котораго жребій былъ тогда еще тайною:

Дитя равняется съ Царями!

Изъ чистой, высокой души сказаны были эти въщія слова Царственной Матери уколобели Ея Порфиророднаго Младенца:

«Да встрѣтитъ онъ обильный чествомъ вѣкъ!

«Да славнаго участникъ славный будетъ!

«Да на чредъ высокой не забудеть

«Святѣйшаго изъ званій: *человекъ*.

«Жить для вѣковъ въ величїи народномъ,

«Для блага *всѣхъ* — свое позабывать,

«Лишь въ голосъ отечества свободномъ

«Съ смиренїемъ дѣла свои читать:

«Вотъ правила Царей великихъ внуку!

«Съ Тобой ему начать сію науку.»

3 Славные Русскіе писатели не отказывались никогда сослужить службу Государю и Отечеству. Ломоносовъ начерталъ Императрицѣ Елисаветѣ планъ Московскаго Университета. Державинъ, какъ пѣвецъ правды, уже въ старости, первый, правилъ въ Россіи Министерствомъ Юстиціи, по мысли Императора Александра. Карамзинъ, 26-ю годами труда, истощившаго всю жизнь его, далъ народу Русскому Исторію Государства. Жуковскій, волею Царя и Отца, былъ избранъ въ наставники Наслѣднику Престола. Отъ зоркаго ока Царя не утаилась красота души Имъ избраннаго, — и съ этой поры имя Жуковскаго становится сокровищемъ Русской жизни. Не одними прекрасными пѣснями жить ему въ потомствѣ Русскомъ, но и лучшимъ дѣломъ своего ума

и сердца. Семь лѣтъ непрерывнаго почти безмолвія (1823—1828, 1830) свидѣтельствуютъ о святомъ трудѣ, понесенномъ Жуковскимъ для исполненія великой Царской задачи.

Съ бодрыми, неистощенными силами, возвратился Поэтъ къ прежнимъ вдохновеніямъ. Мысль укрѣпилась и созрѣла трудомъ. Наука открыла ей міръ, еще болѣе обширный. Путешествіе, или точнѣе, полетъ по неизмѣримымъ странамъ Отечества, а въ послѣдствіи по всѣмъ просвѣщеннымъ государствамъ Запада, увѣнчалъ воспитаніе Наслѣдника Престола. Жуковскій принималъ во всемъ участіе. Не могу не вспомнить о немъ въ Италіи, какъ онъ, отдыхая отъ трудовъ прекрасной жизни и готовясь еще къ дѣятельному закату своего блистательнаго вечера, любовался развалинами Рима, съ милымъ своимъ спутникомъ Гоголемъ, и карандашемъ переносилъ на бумагу изящныя очертанія древняго искусства и южной природы.

Семейное счастье для Жуковского было всегда идеаломъ чистыхъ стремленій его сердца. Еще въ 1808 году, онъ называлъ прямо добрымъ и счастливымъ человекомъ только того, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнью. Семейство казалось ему «малымъ свѣтомъ, въ которомъ должны мы исполнять въ маломъ видѣ всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ; но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь не можетъ быть заблужденія на счетъ заслуги, здѣсь видятъ тебя такимъ точно, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ.» Семейство называлъ онъ тихимъ, скрытымъ отъ людей поприщемъ для самыхъ благородныхъ, самыхъ безкорыстныхъ подвиговъ добродѣтельнаго. Молитва одинокаго человека, по мнѣнію его, есть требованіе; молитва семьянина—благодарность. Еще за 44 года до конца своего, онъ воображалъ себѣ семьянина, «на смертномъ одрѣ, ожидающимъ конца, спокойнымъ, увѣреннымъ въ бытіи Божества, которое неотрицаемо для сердца, испытывшаго прямую любовь, уповающимъ на безсмертіе, которое ощутительно для сердца, испытывшаго прямую любовь.»⁵⁰

Картины семейной жизни всегда привлекали самое живое его сочувствіе. Изъ двухъ поэмъ Гомера, для послѣдняго

труда онъ выбралъ Одиссею, которая оканчивается возстановленіемъ разрушеннаго семейнаго быта.

Но судьба и высокія цѣли жизни надолго удалили отъ Поэта осуществленіе его идеала. Подъ старость, еще бодрую и цвѣтущую, достигъ онъ однако своей желанной семейной пристани. Пять лѣтъ спустя, такъ описывалъ онъ въ письмѣ къ своему другу эту счастливую минуту жизни: «Въ этотъ день (21 Мая 1846), за пять лѣтъ передъ симъ, подымались на гору (называемую Ротенбергъ, возвышающуюся надъ маленькимъ городкомъ, Канштатомъ) двѣ кареты. Въ одной изъ нихъ сидѣлъ однорукій инвалидъ съ двурукимъ поэтомъ, а въ другой пожилая дама съ двумя прекрасными дочерьми. Инвалидъ былъ мужъ этой дамы и отецъ обѣихъ дочерей; а двурукій поэтъ былъ женихъ старшей дочери. Было три часа пополудни. На Ротенбергъ была Русская церковь, надъ прахомъ Виртембергской Королевы, Русской Екатерины. День былъ прекрасный. Въ церкви совершилось вѣнчаніе, тихо и благоговѣнно. Этотъ обрядъ повторился у подошвы горы, въ церкви Лютеранской, гдѣ была сказана обвѣнчаннымъ простая трогательная проповѣдь — и теперь ровно пять лѣтъ прошло съ этой минуты; она имѣла благословенныя послѣдствія; и Жуковскій можетъ сказать своему доброму Булгакову, что въ эти пять лѣтъ познакомился онъ съ настоящею жизнію, которой тайна хранится подъ замкомъ, въ святилищѣ семейномъ».⁵¹

И такъ сладко Поэтъ воспѣвалъ свое мирное семейное счастье:

И нынѣ тихо безъ волненія льется
Потокъ моей уединенной жизни.
Смотря въ лице подруги, данной Богомъ
На освященіе сердца моего,
Смотря какъ спитъ сномъ ангела на лонѣ
У матери младенецъ мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; и слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:

Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ, вѣруй въ Бога, вѣруй
Въ Меня.³²

Въ теченіе 11 лѣтъ этой семейной тишины, сколько прекрасныхъ трудовъ совершилъ онъ еще для Русскаго слова! Налъ и Дамаянти, Рустемъ и Зорабъ, вся Одиссея, начало Иліады, начало оригинальной поэмы: Странствующій Жидъ, полный курсъ пригготовительнаго ученія для дѣтей, созрѣли здѣсь. Невольно вспомнишь стихъ, сказанный имъ же другому старцу, славному на иномъ, болѣе шумномъ, поприщѣ:

О дней благихъ закатъ всегда прекрасенъ!³³

Жуковскому, воспитывавшему жизнь и поэзію свою всегда на высотѣ чистой мысли, суждено было пережить заживо сверстника своего, Батюшкова, и оплакать столь многихъ питомцевъ своей Музы: Пушкина, Дельвига, Баратынскаго, Давыдова, Веневитинова, Языкова, Лермонтова, Гоголя. Рокowymъ произволомъ случая, 29-е Января, день рожденія Жуковскаго, навсегда омрачился для него горькимъ воспоминаніемъ: онъ былъ днемъ смерти Пушкина. Жуковский сохранилъ и передалъ намъ память предсмертныхъ минутъ его, и собралъ всѣ послѣднія слова умиравшаго. Эти утраты близкихъ по мысли и слову были тяжки для его нѣжнаго сердца. Такъ, въ 1847 году, тужилъ онъ объ Языковѣ, въ письмѣ къ Гоголю: «Жаль для себя своихъ земныхъ товарищей, которыми такъ уменьшается жизнь. Свѣтъ здѣшній для насъ часъ отъ часу болѣе бѣднѣетъ. За шесть лѣтъ передъ этимъ я бы это гораздо сильнѣе почувствовалъ при теперешнемъ печальномъ случаѣ: но воля Божія, новыми, свѣжими узами, привязала мою душу къ здѣшнему свѣту; онъ навсегда уничтожили для меня возможность одиночества, и горькое ощущеніе этого одиночества мнѣ теперь недоступно. Но за то я знаю, что замѣчаешь въ чашѣ земнаго испытательнаго страданія. Теперь эта поэтическая душа, въ послѣднее время столь очищенная вѣрою, живетъ новою жизнью, которую болѣе другихъ здѣсь могла предчувствовать. Жалеть ли о томъ, что эта новая жизнь для нея

началась? Нѣтъ. Но жаль, жаль ея быстраго удаленія изъ нашего свѣта, изъ нашего сосѣдства, жаль, что этотъ гармоническій голосъ для насъ замолчалъ, что это знакомое намъ существо, живое, доброе, милое, теперь заперто въ тѣсной могилѣ, и навсегда пропало изъ глазъ нашихъ.»

Эти слова невольно наводятъ и насъ на мысль объ утратахъ, которыя намъ суждено теперь оплакивать. Но въ другихъ же словахъ Жуковского мы почерпнемъ и выраженіе для скорби, и силу великаго Христіанскаго утѣшенія. Такъ писалъ онъ въ другомъ письмѣ къ Гоголю, описывая кончину одной изъ близкихъ въ новой семьѣ своей.

«Смерть только для живыхъ есть зло» — сказали Карамзинъ; съ одной стороны это правда, съ другой заблужденіе. Не мертвые насъ теряютъ; мы живые теряемъ мертвыхъ; и чѣмъ болѣе къ нимъ было любви, тѣмъ горестнѣе ихъ утрата; чѣмъ тѣснѣе были съ ними узы, тѣмъ болѣзненнѣе разрывы ихъ. И въ этомъ дѣйствительно зло смерти. Оно исключительно для однихъ живыхъ; можно даже сказать, что отнятое у оставшихся *все* отдается тѣмъ, которые ихъ оставили. Для первыхъ видѣніе земное исчезло; мѣсто, такъ мило занятое, опустѣло; глаза не видятъ, ухо не слышитъ; самое (для нихъ осязательное) сообщеніе душъ прекратилось. Для послѣднихъ все это сдѣлалось непосредственнѣе, свободнѣе, тѣснѣе: душа, съ своими духовными сокровищами, съ воспоминаніемъ о лучшемъ земномъ, ей одной принадлежащемъ, ей такъ сказать укрѣпленномъ смертію и слившемся съ ея бытіемъ духовнымъ, — съ своею любовію, съ своею вѣрою, переходитъ въ міръ безъ времени и безъ пространства; она слышитъ безъ слуха, видитъ безъ очей, она соприсутственна всегда и вездѣ душѣ ея любимой, не отлученная отъ ней никакою далью, тогда какъ намъ живущимъ языкъ ея недоступенъ, и то, что стало болѣе нашимъ, кажется намъ утраченнымъ на вѣки. Но въ то же время смерть есть великое благо и для живущихъ и тѣмъ большее благо, чѣмъ милѣе намъ былъ нашъ умершій. Это глубоко понимаетъ разумъ, освѣщенный лучемъ Христіанства. Но какую великую силу пріобрѣтаетъ убѣжденіе разума,

когда оно становится *опытомъ сердца!* Пока мы сами не испытали еще никакой болѣзненной утраты, мы вѣруемъ, слушая голосъ Спасителя исходящій къ намъ изъ Евангелія, и нашей мысли представляется жизнь человѣческая въ своемъ истинномъ великомъ значеніи. Но когда надъ нами совершается ударъ свыше, какъ *иначе* дѣлается тогда внятенъ сердцу этотъ Евангельскій голосъ; уже не въ листахъ книги мы ищемъ тогда Спасителя нашего. Онъ Самъ насъ находитъ, Онъ Самъ становится къ намъ лицомъ къ лицу; цѣною бѣдствія покупаемъ мы лицеизрѣніе Бога. Велика ли эта цѣна? И чтѣ она передъ тѣмъ сокровищемъ, которое мы за нее приобретаемъ? Все чтѣ я здѣсь тебѣ пишу, я прежде думалъ; теперь я это *видѣлъ*, и опытъ близкаго мнѣ сердца сдѣлался моимъ собственнымъ опытомъ.»³⁴

Заключая такими утѣшительными словами краткій очеркъ жизни Поэта, я желалъ бы найти выраженія, чтобы изобразить, если не портретъ его, чтѣ языкомъ невозможно, то по крайней мѣрѣ черты его нравственной физіогноміи. На душѣ у всѣхъ, которые имѣли счастье бесѣдовать съ нимъ долго, напечатлѣвались его задумчивый, пронизательный взглядъ и та неописанная доброта души, которая лучами самаго кроткаго свѣта озаряла все лице его и всѣ движенія. Такъ ясно и такъ сладко лилась изъ устъ его мѣрная рѣчь, что невольно ея заслушивались. Зналъ онъ много иностранныхъ языковъ, но ни на одномъ такъ не умѣлъ хорошо говорить, какъ на языкѣ своей родины и поэзіи. Въ исторіи Русскаго воспитанія представляетъ Жуковскій рѣдкій образецъ самовоспитанія собственнаго. Силою нравственной воли онъ умѣлъ покорить душѣ темпераменты и сочетать ихъ самымъ счастливымъ образомъ. Веселымъ до рѣзвости сангвиникомъ былъ онъ въ обществѣ, особенно въ кругу друзей; постояннымъ флегматикомъ во внѣшнемъ порядкѣ жизни;³⁵ меланхоликомъ во всемъ томъ, чтѣ развивалось и вызрѣвало въ его мысли, чтѣ жило и таилось въ чувствахъ сердца; холерикомъ былъ онъ въ силѣ воли, въ постоянствѣ труда, въ энергіи исполненія. Чувства любви, дружбы и пріязни, эти дары жизни, обильно собранные любящего

душею, отъ самой колыбели до гроба, пронесъ онъ неизмѣнно, никогда не охлаждаясь къ нимъ, съ вѣрою просто-душія, какъ святыню души своей.

Отъ чловѣка перейдемъ къ поэту, отъ жизни его къ поэзіи. Переходъ здѣсь легокъ. Для порядка рѣчи только мы должны были раздѣлить ихъ, но въ немъ были онъ нераздѣльны.

Въ поэтѣ прежде всего поражаетъ насъ эта же самая черта, отличающая Жуковского отъ всѣхъ Русскихъ поэтовъ, ему предшествовавшихъ. Для Жуковского были, какъ онъ самъ сказалъ:

Жизнь и поэзія одно.³⁶

Ломоносова отвлекала отъ поэзіи наука, Державина юридическое поприще, Карамзина лѣтописи отечества. Жуковский, первый, всего себя отдалъ своему прекрасному призванію. Для него слово поэта было дѣломъ его жизни. Но чтобы не превратно понять отношенія, въ какихъ поставилъ онъ поэзію къ жизни, надобно досказать недосказанное въ словахъ его. Самая жизнь не была для него поэзіею, но поэзія была для него жизнью; не жизнь вносилъ онъ въ поэзію, но поэзію хотѣлъ внести въ жизнь. Что же разумѣлъ онъ подъ именемъ поэзіи? Для другихъ художниковъ, какъ напримѣръ для Гёте, поэзія была искусствомъ; для Жуковского болѣе нежели искусствомъ. Еще въ ранніе годы своихъ вдохновеній онъ называлъ ее добродѣтелью.³⁷ Еще тогда онъ желалъ, чтобы лира его имѣла силу проливать звуки, на утоленіе мукамъ, на миръ сердцамъ. Еще тогда, обращаясь къ собрату своему, поэту, онъ говорилъ:

Сліявъ въ душѣ спокойной
Младенца чистоту
Съ величіемъ свободы,
Боготворя природы
Простую красоту,
Лишь благамъ неизмѣннымъ,
Пѣвецъ-любимецъ мой,
Доступенъ будь душой!³⁸

Позднѣе, вѣрный одной и той же мысли, пронесши ее въ ненарушимой цѣлости сквозь полустольнѣе времени самаго переходчиваго, Жуковскій, устами вдохновеннаго юноши передъ умирающимъ Камоэнсомъ, призывалъ поэта «быть могучимъ крыломъ, подъемлющимъ сердца на высоту, глаголомъ правды, лекарствомъ душъ, крушимыхъ безвѣріемъ, сторожемъ нетлѣнной завѣсы горняго міра.» И сама поэзія, передъ угасавшими взорами поэта, преображенная, соединяла въ своемъ образѣ все что есть на землѣ прекраснаго, великаго, святаго, сіяла вѣрой, надеждой и любовію, являлась ему «Богомъ въ святыхъ мечтахъ земли.»⁵⁹

Можетъ быть, такая задача, наложенная поэтомъ на его искусство свѣше земныхъ силъ его; но кто же не согласится, что только такъ высоко, свято и чисто понявши задачу поэзіи, можно было поставить ее наравнѣ съ жизнью и сказать непогрѣшимо:

Жизнь и поэзія одно?

Но такая задача, такая мысль искусства, превосходящая силы самаго искусства, не нарушила ли поэтическаго призванія поэта, не сковала ли свободу творческихъ силъ его вдохновенія? Нѣтъ: потому что она открылась душѣ, имѣвшей дѣйствительное призваніе къ поэзіи. Она могла бы обличиться ложью во всякой другой, лишенной этого призванія; но здѣсь, отъ самой колыбели она свѣтила въ душѣ поэта, какъ живая, сознанныя, прочувствованная истина. Отсюда могло произойти только и произошло то, что рѣдко бываетъ: человекъ и поэтъ слились въ одно нераздѣльное существо — и высота человека подняла поэта. Художникъ сроднился полнѣе съ своимъ созданьемъ и глубже проникъ его. Чистота мысли озарила лучами своими идеаль, и красота души отразилась непорочною красотою въ каждомъ его словѣ.

Все это могло совершиться, какъ сказали мы, при дѣйствительномъ призваніи Поэта. Но въ чемъ же оно обнаружилось? Поэтъ, прежде всего, говоритъ о природѣ. (Только въ наше время, поднявшее вмѣстѣ съ многими великими вопросами

иногда
природы.

множество и бесплодныхъ, истощившихъ попустому богатія силы человѣка, ложная мудрость могла задать вопросъ о томъ, что выше: природа или искусство?¹⁰ Одинъ холодный умозритель, равнодушный и къ природѣ и къ искусству, могъ такимъ празднымъ и хитрымъ вопросомъ завлечь къ спору и враждѣ то, что отъ Самого Творца предназначено къ единомыслию и сочувствію. Не началъ бы этой вражды никогда истинный поэтъ и художникъ. Еще младенцемъ, онъ сосетъ грудь у природы и кормится млекою ея живыхъ впечатлѣній. Еще въ младенчествѣ, между поэтомъ и природой, какъ между младенцемъ и кормилицей его матерью, ведется та непонятная для другихъ бесѣда, которая позднѣе выскажется всѣмъ въ новыхъ картинахъ его поэзіи. Поэтамъ, какъ любимцамъ своимъ, говоритъ природа при ихъ колыбели:

Для васъ взойдетъ краснѣе день,
И будетъ лугъ душистѣй,
И сладостнѣй дубравы тѣнь,
И птичка голосистѣй.

Утратившая красоту въ своихъ частяхъ вмѣстѣ съ человекомъ, природа хранить идею красоты, неизмѣнно напечатлѣнною отъ Создателя на своемъ изящномъ цѣломъ, — и таинственно открываетъ ее только душамъ избранныхъ своихъ любимцевъ. Имъ однимъ только слышится эта гармонія цѣлаго, гдѣ самый безобразный визгъ, самый нестройный крикъ страданія — звуки необходимыя, безъ которыхъ неполна бы была торжественная симфонія мірозданья. Во всѣхъ странахъ свѣта, своими разнообразными красотою, и поцѣлуемъ солнца, и воемъ мятели, природа пробуждала въ человѣкѣ одну полную идею красоты, предлагала для нея миллионы различныхъ образовъ, и воспитывала въ немъ, во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ народовъ, поэта и художника.)

Способъ, какимъ поэты у разныхъ народовъ понимали и чувствовали природу, опредѣлялся всего болѣе отношеніемъ, въ какомъ разумѣли они человѣка къ природѣ, а это отношеніе еще глубже опредѣлялось отношеніемъ обоихъ къ Божеству. Религія вездѣ преимущественно направляла взглядъ

поэта на природу, за исключеніемъ развѣ новаго времени, когда религіозныя вѣрованія народовъ начали смѣняться личными убѣжденіями писателей.

Въ Священно-Еврейской поэзіи природа повсюду символъ Бога, намекъ на Его присутствіе, слѣдъ Его шествія въ твореніи. Боговдохновенные пѣвцы слышатъ Бога и въ грозѣ небесной, и въ трясеніи земли, и въ тонкомъ дыханіи вѣтерка. Молніи вѣстники воли Его, заря край Его ризы, небеса повѣдаютъ Его славу, и вся красота созданий служить къ тому только, чтобы отъ ея величества Самъ Творецъ познавался.³¹

Въ поэзіи языческой, у Грековъ и Римлянъ, природа — неразлучная спутница красоты вѣшняго человѣка. Она облачаетъ его, какъ чудотворное покрывало Ино Левкоою плывущаго въ волнахъ Одиссея. Всѣ явленія ея, и страшныя и милыя, намеки на человѣческій образъ. Небесныя тучи — брови Зевесовы, лучи солнца — пряди золотыхъ волосъ Феба, заря — розовые персты Эоса; снѣгъ падаетъ изъ облаковъ какъ ножка Ирисы, посланной Зевсомъ на землю, и самыя силы животныхъ служатъ непрерывно къ изображенію борющихся силъ враждующаго человѣка. Словомъ, здѣсь природа и человѣкъ влюблены другъ въ друга — и на брачномъ своемъ пиршествѣ у поэзіи обручаются взаимными дарами прелести и величія.

Другое отношеніе природы къ человѣку въ поэзіи народовъ Христіанскихъ. Вѣра Христова открыла намъ тайны міра духовнаго, и въ поэзіи, озаренной ею, природа стала символомъ души человѣческой. Въ безконечность увлекла она поэта-христіанина своимъ небомъ, звѣздами, моремъ, степью; разнообразнымъ чувствамъ души его вторитъ она и ропотомъ дробимой волны, и шумомъ дубровы, — и всѣми явленіями своими окружаетъ его, какъ безчисленными зеркалами, чтобы отразить ему въ нихъ всѣ безчисленныя движенія души его. Каждое изъ этихъ явленій возбуждаетъ въ насъ сочувствіе въ той мѣрѣ, по скольку мы видимъ въ немъ часть образа души своей, намекъ на нашу мысль, страсть, чувство, слѣдъ внутренней жизни нашей.

Такимъ воззрѣніемъ опредѣляется и взглядъ Жуковского на природу. Онъ виденъ и въ большихъ и въ малыхъ его картинахъ, въ произведеніяхъ оригинальныхъ и переводныхъ. Изобразить ли ему море — онъ не отлучить его отъ неба, а сливъ ихъ въ одинъ образъ, въ таинственной бесѣдѣ ихъ, намекнетъ намъ на бесѣду души, быющей въ оковахъ земной жизни, съ безпредѣльною вѣчностью.⁴² Взглянетъ ли онъ на небо весною: тамъ ему

Облака, летя, сіяютъ

И, сіяя, улетають

За далекіе лѣса.⁴³

Бьлоснѣжный голубокъ, обнявшій крыльями дрожащую грудь испуганной Свѣтланы во время страшнаго сна ея — Русской образъ утѣшенія и чистоты душевной. Луна милѣе поэту чѣмъ солнце, какъ воспоминанье объ немъ въ ночи, какъ его отблескъ: она своими измѣненіями сочувствуетъ его поэтическимъ думамъ и видѣніямъ, и является ему на небѣ гостинницей душъ, спокойно взирающихъ оттуда на минувшія тревоги земнаго. Въ другихъ поэтахъ Жуковский сочувствуетъ тому же воззрѣнію на природу. Ему нравятся болѣе поэты сѣвера чѣмъ юга, болѣе Шиллеръ чѣмъ Гёте; онъ любитъ особенно простонароднаго поэта Германіи, Гебеля, у котораго всякое явленіе природы исполнено таинственнаго смысла, и былинка младенцемъ растущая изъ зерна, и солнце неутомимый благодѣтель созданія, и ночь передъ разсвѣтомъ, предвѣстница вѣчнаго дня. Изъ произведеній языческой поэзіи Жуковский предпочиталъ Одиссею Илиадъ, потому что въ первой раскрыта болѣе душа древняго человѣка; ему сроднѣе Виргилій и Овидій, какъ поэты чувства между древними по преимуществу, особенно первый въ слезномъ разсказѣ объ Разрушеніи Трои, и второй въ трагическомъ эпизодѣ: Цейксъ и Гальціона.

Такъ, въ каждой картинѣ природы, у Жуковского сквозитъ душа; вездѣ взглядъ на даль, на безконечность: ни одна всего не досказываетъ, что въ ней кроется, и пророчитъ еще болѣе чѣмъ обнаруживаетъ. Эта душа, стремя-

щаяся встрѣтить и обнять себя близкое и родное въ природѣ, эта душа, ищущая сама себя во всемъ созданіи Божіемъ и обрѣтающая искомое только въ таинственномъ присутствіи самого Создателя, есть то невыразимое, которое такъ глубоко со-зналъ и такъ прекрасно воспѣлъ самъ же поэтъ въ извѣ-стномъ отрывкѣ:

Но то, что слито съ сей блестящей красотою, —
Сіе столь смутное, волнующее насъ,
Сей внемаемый одной душою
Обворожающаго гласъ,
Сіе къ далекому стремленье,
Сей миновавшаго привѣтъ,
.....
Сіе шепнувшее душѣ воспоминанье
О миломъ радостномъ и скорбномъ старинѣ,
Сія сходящая святѣйша съ вышины,
Сіе присутствіе Создателя въ созданъѣ, —
Какой для нихъ языкъ?...⁴⁴

Многіе поэты, безсознательно принадлежа Христіанству, пользовались преимуществами его глубокомысленнаго воззрѣнія на природу, точно такъ какъ и многіе люди безсознательно пользуются спасительными его истинами, безъ которыхъ въ прахъ разрушилась бы жизнь ихъ. Не таковъ былъ, конечно, Жуковскій. Союзъ поэзіи съ религіей былъ для него святъ и ненарушимъ — и этой мысли онъ пребылъ вѣренъ, начиная отъ первыхъ звуковъ своей лиры до послѣднихъ. Замѣчательны эти явленія въ исторіи мысли Русскаго человека. Ломоносовъ связалъ науку съ религіею, оградивъ первую отъ безбожія, а вторую отъ суевѣрія, ихъ священнымъ союзомъ. Онъ сказалъ: »Правда и Вѣра двѣ родныя сестры, дщери одного Всевышняго Родителя.«⁴⁵ Державинъ соединилъ съ религіею правду дѣлъ жизни, сказавъ о Богѣ:

Онъ совѣсть въутрѣ, Онъ правда вътѣ.⁴⁶

Жуковскій укрѣпилъ тотъ же союзъ между религіей и поэзіею, когда сказалъ:

Поэзія небесной
Религія сестра земная.⁴⁷

Этимъ тремъ роднымъ мыслямъ въ душѣ Русскаго человѣка одинъ источникъ, таящійся въ недознанныхъ глубинахъ древней его жизни. Одно изъ условій высшаго призванія къ поэзіи, для Жуковскаго, заключено было въ *чистотѣ сердца*.

Клянуся, ты назначенъ быть поэтомъ.
Не своелюбіе, не тщетный призракъ
Тебя влекутъ — тебя зоветъ самъ Богъ;
Къ великому стремишься ты смиренно,
И ты дойдешь къ нему — *ты сердцемъ чистъ*.

Религія Христіанская, озаривъ поэта своими истинами, открыла ему многія свѣтлыя мысли, лежащія въ глубинахъ содержанія его произведеній. Одна изъ такихъ любимыхъ, плодотворныхъ его мыслей, есть мысль о страданіи, котораго святая, безконечная тайна уяснена была человѣку только чашею Геосиманскою. Для Жуковскаго, «страданіе—творецъ великаго: оно знакомитъ насъ съ тѣмъ, чего мы никогда въ безмятежномъ нашемъ блаженствѣ не узнаемъ: съ таинственнымъ вдохновеніемъ Вѣры, съ утѣхою Надежды, съ сладостнымъ упоеніемъ Любви.»⁴⁸ Для Жуковскаго страданіе есть «таинство, образующее душу.» Для него:

Земная жизнь — страданія питомецъ!
И сколь душа велика симъ страданьемъ!
Сколь радости при немъ помрачены!⁴⁹

Онъ самъ сказалъ устами поэта, славнаго страданіями своей жизни:

Неправедно ропталъ я на страданье;
Мнѣ въ душу Богъ вложилъ его — Онъ правъ:
Страданіемъ душа поэта зрѣетъ,
Страданіе святая благодать.⁵⁰

Религія научила его быть равнодушнымъ къ минутнымъ наслажденіямъ настоящаго, въ которыхъ срывается цвѣтъ жизни, увядаетъ душа, скука смѣняетъ надежду, и остается только одно презрѣніе къ истраченной по мгновеніямъ жизни.

Мысль поэта не признавала счастья въ настоящемъ , потому что оно конечно, и душа уловить его не можетъ. Она съ любовью носилась всегда между прошедшимъ и будущимъ, между воспоминаніемъ и надеждою, потому что прошедшее вѣчно для сердца, надъ которымъ утрата бессильна, а будущее неистощимо надеждою для того, кто вѣруеть. Такова жизнь душъ, свѣше просвѣтлѣнной, душъ, которая жаждетъ безконечнаго и смотритъ на тѣло, какъ на временную свою оболочку. Этимъ мыслямъ источникъ не въ очарованномъ романтизмѣ Запада, но въ глубинѣ вѣрованій самой жизни. Для нихъ языкъ Русскаго народа далъ поэту свои живыя и точныя слова: прошедшее у Жуковского наше Русское *завѣтное*, будущее наше *желанное*, слова имъ столько любимыя. При такомъ благоговѣніи къ завѣту прошедшаго и къ желанному будущему, само настоящее получаетъ свою истинную цѣну, и душа печатлѣетъ на его летучей минутѣ только то, что достойно вѣчности, чего не захотѣла бы изгладить она въ воспоминаніи, что свято и чисто засіяетъ для нея въ прошедшемъ:

Прекрасному — *текущее мгновенье!*⁵¹

При такомъ только возрѣніи на время, поэтъ могъ свѣтло и радостно взглянуть на міръ и сказать всѣмъ то, что Теонъ говоритъ Эсхину:

О вѣрь мнѣ, прекрасна вселенна!

*

Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ;

Все въ жизни къ великому средство;

И горестъ и радость — все къ цѣли одной:

Хвала жизнедавцу Зевесу!

Религія воспитала въ нашемъ поэтѣ еще одно свойство, рѣдкое между поэтами, свойство простоты, доступной всякому возрасту. Матери - воспитательницы дѣтей своихъ — сколько благодарности принесутъ Жуковскому за тѣ многія произведенія, которыя, будучи прекрасны для всѣхъ возрастовъ, доступны и для младенческаго. Не мало поэтовъ, говорящихъ страстямъ и воображенію юноши, рѣшительной

предпріимчивости мужа, глубокомысленному спокойствію или равнодушію старца; но какъ мало такихъ, которые чистымъ свѣтомъ душевнаго огня зажигаютъ глазки дѣтей. По инымъ не велика слава открывать прекрасное для этого возраста, но замѣтимъ, что поэтъ эту славу заимствуетъ изъ того источника всеобщей Истины, куда равно глядѣться могутъ, и мужъ, искушенный опытомъ жизни, и невинный сердцемъ младенецъ. Добро живѣе коренится въ сердцѣ и милѣе для насъ, когда мы рано пріучались роднить его съ чувствомъ красоты. Если ни одно впечатлѣніе не пропадаетъ для душъ даромъ, то счастливъ Русской ребенокъ, съ удовольствіемъ лепечущій стихи изъ *Пѣсни бѣдняка*:

Въ селеніи каждомъ есть Твой храмъ
Съ сіяющимъ крестомъ,
Съ молитвой сладкой и съ Твоимъ
Доступнымъ олтаремъ.

Это живое пониманіе связи между религіею и поэзіею, это высокое воспитаніе души поэта въ свѣтѣ чистоты и цѣломудрія, не ограничило его дѣятельности одними гимнами къ Богу. Нѣтъ, онъ пѣлъ наше земное, житейское, человеческое; онъ черпалъ вдохновеніе у поэтовъ не христіанскихъ; но, скажемъ его же словами: «онъ зналъ Его, онъ вѣрилъ Ему, онъ шелъ къ Нему, онъ велъ къ Нему, и все, что ни встрѣчалось на пути его откровенному оку, все оно, прошедъ черезъ его душу, пріобрѣтало ея характеръ, не измѣнивъ въ то же время и собственнаго.»⁵²

Жуковский всегда оставался вѣренъ своему назначенію, какъ поэта, потому что свободно служилъ красотѣ. Красота была главною мыслію всѣхъ его вдохновеній; но чистота сердца осіяла и освятила эту мысль въ душѣ его. Выразимъ теперь ее его же словами:

Но все, что отъ временъ прекрасныхъ,
Когда онъ* мнѣ доступенъ былъ,
Все что отъ милыхъ темныхъ, ясныхъ,
Миновавшихъ дней я сохранилъ —

* Дарователь пѣснопѣній.

Цвѣты мечты уединенной
И жизни лучшіе цвѣты —
Кладу на твой олтарь священный,
О Геній *чистой красоты*.

*

Не знаю, светлыхъ вдохновеній
Когда воротится чреда —
Но ты знакомъ мнѣ, чистый Геній,
И свѣтитъ мнѣ твоя звѣзда.
Пока еще ея сіянье
Душа умѣетъ различать:
Не умерло очарованье;
Былое сбудется опять.⁵³

Въ другой разъ, передъ Рафаэлевой Мадонной, онъ вспомнилъ о томъ же, ему столько знакомомъ, *Геній чистой красоты*, и такъ сказалъ объ немъ:

Онъ лишь въ чистыя мгновенья
Бытія слетаетъ къ намъ,
И приноситъ откровенья,
Благодатныя сердцамъ.
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной,
Лучшей жизни покрывало
Приподъемлетъ онъ порой;
А когда насъ покидаетъ,
Въ даръ любви, у насъ въ виду,
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

Замѣчательно, что поэтъ не счелъ излишнимъ обозначить эпитетомъ *чистаго*, тотъ геній красоты, которому обрекъ себя на служеніе. Но развѣ есть, развѣ можетъ быть геній красоты *нечистой*? Видно, поэтъ предчувствовалъ, что въ его же время образъ красоты затемнится и потускнѣетъ отъ дыханья дѣйствительности житейской, что люди въка, назвавшаго себя положительнымъ, потеряютъ вѣру въ красоту и поэзію. Вотъ почему, конечно, создавая не для одной

минуты вѣка, онъ ограждалъ чистотою души и жизни мысль о красотѣ, какъ вѣренное ему отъ Бога сокровище, какъ предметъ и цѣль своего непорочнаго служенія.

Эта мысль поэта, имъ же самимъ выраженная, какъ свѣтильникъ, озарить для насъ весь обширный кругъ его произведеній и соберетъ ихъ въ храмину одного стройнаго цѣлаго. Давно уже сказано и сдѣлалось общимъ мѣстомъ у насъ въ литературѣ, что Жуковский и въ переводахъ своихъ былъ оригиналенъ. Обновимъ теперь кстати эту мысль его собственными словами, которыя сказалъ онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гоголю: «Я часто замѣчалъ, что у меня наиболѣе свѣтлыхъ мыслей тогда, какъ ихъ надобно импровизировать въ возраженіе или въ дополненіе чужихъ мыслей; мой умъ, какъ огниво, которымъ надобно ударить объ камень, чтобы изъ него выскочила искра—это вообще характеръ моего авторскаго творчества; у меня почти все чужое или по поводу чужаго—и все однако мое.»⁵⁴

Жуковский переводилъ только то, чему сочувствовала душа его, что было ей родственно, что согласовалось съ любимою его мыслию. Для него:

Съ ней все близкое прекрасно,
Все знакомо что вдали.

Геній чистой красоты, озарявшій внушенія его музы, не былъ такъ исключителенъ, и умѣлъ открывать ему прекрасное и около себя, и у всѣхъ народовъ міра, и во всѣ времена. Но разъ принявъ живымъ сочувствіемъ это чужое, геній Жуковского съ любовію предавался ему и воссоздавалъ его какъ свое—и Русскій языкъ, свободно покоряясь наитію усвоеннаго имъ вдохновенія, не носилъ никакихъ слѣдовъ подражательности, а блисталъ всеми красотами, свойственными силѣ творца-поэта.

Все поприще поэзіи Жуковского, по нашему мнѣнію, дѣлится на три періода: первый можно назвать *Нѣмецко-Англійскимъ*, второй *Отечественнымъ*, третій *Всемирнымъ*, по вліянію стихій, дѣйствовавшихъ на поэта. Между всеми тремя періодами есть неразрывная связь, и произведенія одного сливаются съ произведеніями другихъ.

Англія и Германія участвовали въ первомъ поэтическомъ воспитаніи Жуковскаго. Оссіанъ, Юнгъ, Грей, Томсонъ, Драйденъ, Нѣмцы, особенно Шиллеръ, Бюргеръ, частію Гёте, легенды среднихъ вѣковъ, переданныя въ Нѣмецкихъ романахъ, имѣли рѣшительное вліяніе на первое направленіе его поэзіи. Карамзинъ былъ виновникомъ этого движенія и новаго поворота въ нашей Словесности отъ одностороннихъ образцовъ Французскихъ къ образцамъ Англіи и Германіи. Онъ, первый, заговорилъ съ сочувствіемъ о драмѣ Шекспира, Шиллера и Гёте; первый, познакомилъ Русскихъ съ самими лицами поэтовъ Германіи; первый, возсталъ противъ искусственныхъ и холодныхъ формъ Французской трагедіи; перевелъ Эмилию Галотти Лессинга, Юлія Цезаря Шекспира; первый, въ стихахъ, подражалъ лирическому настроенію Шиллера. Въ письмахъ Русскаго путешественника онъ съ особенной охотой передавалъ Нѣмецкія романическія преданія: эти рассказы любимаго писателя могли подѣйствовать на Жуковскаго, точно такъ какъ романы, читанные въ дѣтствѣ Карамзинымъ, по его же свидѣтельству, воспламеняли живое его воображеніе.

Вліяніе Карамзина на Жуковскаго есть одно изъ тѣхъ событій въ исторіи Русской Словесности, на которомъ мы не можемъ не остановить вниманія.

Карамзинъ, своею обширною дѣятельностію, занимаетъ великое средоточіе въ нашей литературѣ; стоитъ на распутьи, къ которому примыкають всѣ три ея періода. Отъ вліянія Французовъ онъ беретъ формы для своей прозы и дружбу языка разговорнаго съ общественнымъ; слѣдующему за нимъ поколѣнію своими сочувствіями онъ открываетъ двери въ міръ Англіи и Германіи; своею Исторіею онъ родоначальникъ направленія народнаго, которое выразилось въ Пушкинѣ.

На широкомъ всемірномъ основаніи, на тепломъ сочувствіи ко всему прекрасному человѣческому, гдѣ бы оно ни являлось, Карамзинъ воспиталъ себя для своего великаго труда, для дѣла цѣлой жизни своей, для Русской Исторіи. Воздвигая этотъ изящный палладіумъ Русской народности, онъ сочеталъ въ немъ два любимыя, два живѣйшія чувства

души своей: любовь къ отечеству и любовь къ человѣчеству. Уравновѣсить въ себѣ эти два чувства, къ сожалѣнію, не рѣдко исключаютія другъ друга, было его прекрасною задачею въ жизни. Въ 1802 году писалъ онъ: «Богъ видитъ, люблю ли человѣчество и народъ Русской.»⁵⁵ Не задолго до смерти, въ письмѣ къ другу своему Дмитріеву, благодаря небо за свое историческое дѣло, онъ выражался такъ: «я независимъ, и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовью къ отечеству и человѣчеству.» Этими двумя мыслями, всемірною и отечественною, Карамзинъ стоитъ равно во главѣ двухъ поколѣній, изъ которыхъ одно пошло стезею первою, а другое второю: поколѣній Жуковского и Пушкина. Родоначальникъ обоихъ, дружившій въ себѣ обѣ мысли, могъ быть надежною охраною противъ крайностей: не образовать космополитовъ безъ отечества, ни ограниченныхъ патріотовъ внѣ человѣчества.

Изящная нравственная черта нашей литературы есть благодарная память преданія, связывающая славныхъ писателей нашихъ, послѣдовательно принимавшихъ власть современнаго дѣйствія надъ поколѣніями, къ которымъ они принадлежали. Съ какимъ благоговѣніемъ Жуковский чтитъ память Карамзина! Съ какимъ теплымъ чувствомъ, въ посланіи къ Дмитріеву выражая ему благодарность, за то, что сорвалъ передъ нимъ покровъ съ поэзіи, воспоминаетъ онъ о Карамзинѣ:

О! въ эти дни, какъ райское видѣнье,

Былъ съ нами онъ, теперь ужъ не земной,

Онъ, для меня живое провидѣнье,

Онъ, съ юности товарищъ твой.

О! какъ при немъ все сердце разгоралось!

Какъ онъ для насъ всю землю украшалъ!

Въ младенческой душѣ его, казалось,

Небесный ангелъ обиталъ!....

Лежитъ вѣнецъ на мраморъ могилы;

Ей молится Россіи вѣрный сынъ;

И будить въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы.

Святое имя: Карамзинъ.

Жуковский проникалъ въ тайну души Карамзина, благо-

говѣлъ передъ нею, и передалъ намъ то впечатлѣніе, какое на него произвелъ онъ, уже приближаясь къ смерти.

Въ литературѣ Карамзинъ возбудилъ всѣ первыя сочувствія Жуковского и указалъ ему дорогу, оградивъ его противъ крайностей теплымъ чувствомъ любви къ отечеству, народу своему, и знаніемъ изящнымъ Русскаго языка.

Обыкновенно называютъ Жуковского у насъ главою и основателемъ Романтической школы въ Русской поэзіи. Здѣсь мѣсто, хотя вкратцѣ, разъяснить понятіе о Романтизмѣ, принадлежащее къ числу самыхъ темныхъ и неопредѣленныхъ понятій нашего времени.

Жизнь на Западѣ, во всѣхъ главныхъ явленіяхъ своихъ, подверглась раздвоенію силъ—и это дѣйствіе обнаружилось равно въ Церкви, въ государствѣ, въ общественныхъ отношеніяхъ сословій, въ наукѣ и даже въ искусствѣ. Плодомъ раздвоенія силъ въ сей послѣдней сферѣ, которая собственно насъ касается, было образованіе двухъ школъ, классической и романтической: взаимная борьба ихъ есть послѣднее событіе исторіи искусства на Западѣ. Она привела къ безплодному смѣшенію понятій, къ сомнѣнію въ бытіи самаго искусства, къ уничтоженію его сущности—красоты: все это обнаружилось, особенно въ послѣднее время, въ школѣ такъ называемой положительной или натуральной.

Возможны и даже необходимы мѣстныя и временныя опредѣленія искусства; не смотря на то, красота, внутреннимъ существомъ своимъ, возвышается надъ этими необходимыми условіями мѣста и времени, которымъ должны подвергаться ея явленія. Но можетъ ли красота сдѣлаться исключительною собственностію и преимуществомъ какой нибудь одной школы, девизомъ классицизма или романтизма? Дары духа свободно даются людямъ, а не школамъ: нѣтъ той красоты, ни той истины, ни того добра, къ которымъ могла бы приложить печать свою какая нибудь школа. Заключите красоту въ оковы извѣстнаго пониманія искусства; отдайте ее, безконечную, ограниченному смыслу школъ: явится и такая, которая посягнетъ на нее вѣсть съ искусствомъ. Великіе поэты истекшаго полу столѣтія, ознаменованнаго борьбою ро-

мантизма съ классицизмомъ, всегда вырывались на свободу, когда замѣчали покушеніе приковать ихъ къ одностороннему знамени романтической школы. Шиллеръ поклонялся древнимъ до кумиролуженія и переводилъ Расина; Гёте раздружился съ критиками, которые вербовали его быть главою романтиковъ; Байронъ склонялся передъ Поэ; Жуковский, уже авторъ Людмилы, восхищался тогда Федрою Расина, а подъ старость переводилъ Гомера; Пушкинъ, изъ за котораго столько было споровъ между нашими классиками и романтиками, посылалъ колкія насмѣшки и классицизму и романтизму въ своемъ Евгеніи Онегинѣ.

Романтизмъ, какъ сказали мы, принадлежитъ къ числу самыхъ неясныхъ, самыхъ неопредѣленныхъ понятій, наравнѣ со всѣми тѣми понятіями, которыя стоятъ на сторонѣ отрицанія въ западной жизни. Здѣсь признаки доходятъ до такого смѣшенія и противорѣчія другъ другу, что самое понятіе разсѣвается въ какомъ-то туманѣ логической неопредѣленности.

Имя романтизма противорѣчитъ его появленію: оно заимствовано отъ народовъ Романскихъ, а романтизмъ есть плодъ Германской и Англійской поэзіи. Постараемся перечислить все то, что разумѣлось и разумѣется еще теперь подъ этимъ именемъ: нарушеніе всѣхъ тѣхъ условныхъ правилъ, какія наложены были на поэзію лжеклассическою школою Франціи, и полная свобода внѣшнихъ ея формъ; возвращеніе къ средневѣковымъ эпическимъ преданіямъ Германіи, Скандинавіи и Британіи (понятіе, замѣтимъ, наиболѣе всѣхъ усвоенное романтизму и ярче другихъ противорѣчащее его имени); примиреніе съ римско-католическою вѣрою во имя искусства и противодѣйствіе сухому раціонализму протестантовъ; вліяніе Арабовъ на Европейскую поэзію; все чудесное, волшебное, мечтательное, всякая свобода и произволь фантазіи въ искусствѣ; начало народное и живое сочувствіе поэзіи къ современнымъ явленіямъ жизни; протестъ противъ всѣхъ условій жизни и даже противъ существенныхъ основъ ея нравственнаго благоустройства. Шлегели, видя смѣшеніе понятій, которымъ подвергался романтизмъ, хотѣли опредѣ-

лить его точнѣе, и разумѣть подѣ этимъ именемъ все искусство новыхъ Христіанскихъ народовъ, въ отличіе отъ искусства древняго, классическаго. Но въ такомъ случаѣ, подѣ знамя романтизма слѣдовало поставить и всю классическую школу Франціи, подавшую поводъ къ происхожденію романтической. Г-жа Сталь послѣдовала тому же понятію о романтизмѣ, какое предлагали Шлегели, присоединивъ къ нему понятіе о всякомъ искусствѣ, истекающемъ изъ жизни народной. Гёте, съ нѣкоторою ироніею, называлъ романтизмъ ново-нѣмецко-религіозно-патріотическимъ искусствомъ. Извѣстно, что во время Наполеоновскихъ войнъ романтизмъ игралъ ролю патріотическаго знамени въ Германіи. Гегель, въ своей Эстетикѣ, хотѣлъ возвести романтизмъ на степень необходимой законной нормы искусства вообще, и подвелъ подѣ нее три высшіе его вида: живопись, музыку и поэзію. Имя ярко противорѣчило другой мысли философа, который назвалъ періодъ Христіанской исторіи Европы періодомъ исключительно Германскимъ, по главному участию въ немъ началъ жизни Германскаго племени.

Если перейти отъ теорій къ тѣмъ славнымъ поэтамъ, которыхъ романтики вербовали подѣ свое знамя, то и здѣсь отбѣнки обнаружатъ не менѣе противорѣчивыхъ признаковъ. Здѣсь встрѣтимъ мы — свѣтлый, очарованный идеализмъ Шиллера вмѣстѣ съ мрачнымъ, разочарованнымъ скептицизмомъ Байрона; здѣсь и положительное поклоненіе всякому историческому событію въ Вальтерѣ Скоттѣ, и не менѣе положительное служеніе всякому явленію природы въ Гёте. Въ талантахъ второстепенныхъ не менѣе яркія противорѣчія: здѣсь и духовное настроеніе въ образѣ мыслей Тика, и оправданіе чувственныхъ вожделѣній человѣка въ Фр. Шлегель; здѣсь и раболопная подражательность формамъ средневѣковой поэзіи въ первомъ, и совершенный произволъ фантазіи, чуждый всякой формы, въ Жанъ-Поль Рихтеръ и въ Гофманъ.

Въ современной намъ Германіи, романтизмъ — понятіе, какъ видимъ, носившееся по вѣтру всякихъ разногласныхъ мнѣній — получило теперь политическій отбѣнокъ. Въ теоріяхъ же эсте-

тических разумѣютъ подъ нимъ ложный идеализмъ въ искусствѣ, нападаютъ за него и на Шиллера и на Гёте, и удаляя его вмѣстѣ съ прежнимъ его соперникомъ, классицизмомъ, въ сторону, ждутъ возрожденія для искусства въ историческомъ его направленіи.⁵⁷

Примѣняя высчитанныя нами понятія о романтизмѣ къ Жуковскому, мы найдемъ, что весьма немногія изъ нихъ могутъ быть отнесены къ нему. Въ тѣ самые годы, какъ онъ открывалъ новую сферу для Русской поэзіи, — дѣйствуя какъ журналистъ, въ критикахъ своихъ, онъ обнаруживалъ основанія теоріи Французовъ и являлся ученикомъ Лагарпа. Въ 1809 году, по случаю представленій Г-жи Жоржъ на Московской сценѣ, онъ разбиралъ трагедіи Расина, преклонялся передъ его геніемъ и даже выражалъ сильное сочувствіе Вольтеру, какъ трагику.⁵⁸ Во внѣшнихъ формахъ своей поэзіи онъ избѣгалъ всякаго произвольнаго ихъ нарушенія — и никто, можно сказать, изъ поэтовъ Русскихъ, не исключая даже и Пушкина, не соблюдалъ такой отчетливости и опредѣленности во внѣшней формѣ искусства своего, какъ Жуковский. Изъ всѣхъ признаковъ за нимъ остается одинъ: его особенная любовь къ средне-вѣковымъ рыцарскимъ преданіямъ Германіи, стремленіе фантазіи его въ этотъ мечтательный міръ замковъ, мертвецовъ, привидѣній и демоновъ, ложныя покусенія породнить ихъ съ преданіями нашего народа. Но можно ли сказать, что Жуковский ввелъ эту стихію вообще въ Русскую поэзію? Нисколько — гдѣ же въ этомъ его подражатели? Эта особенность происходила изъ его сочувствія къ поэтамъ Англіи и Германіи въ то время, когда почти всѣ они были одержимы страстью къ легендамъ среднихъ вѣковъ. Она осталась при немъ, и даже ему самому нисколько не помѣшала одушевляться образцами поэзіи древней и другими. Замѣтимъ также, что поэтъ, внушившій Жуковскому его первое произведеніе, съ котораго собственно начинается его поприще, какъ поэта, былъ Грей, воспитанникъ древней поэзіи, писавшій Латинскіе стихи въ подражаніе Горацию, и поклонникъ Расина наравнѣ съ Шекспиромъ.

А/1
Не посторонній вопросъ о томъ, какъ Жуковский вносилъ Нѣмецкій романтизмъ въ нашу поэзію, для насъ важенъ, а вопросъ нашъ, живой, отечественный. Чтò новаго внесъ Жуковский въ поэзію Русскую, чего не было въ поэзіи его предшественниковъ, Ломоносова и Державина? Какой новый міръ открылъ онъ для нея? До Жуковского, поэзія наша въ хвалебныхъ гимнахъ возносила мысль нашу къ Богу, гремѣла славою отечества въ подвигахъ брани или мира, была или священною арфою или трубою славы; иногда принимала тонъ поучительный, возглашала уроки правды, поднимала бичъ или смѣхъ сатиры, указывая на пороки въ правахъ общества. Чтò же сдѣлалъ Жуковский? Объ немъ можно сказать то, чтò древніе говорили о Сократѣ. Какъ Греческій мудрецъ свелъ философію съ неба и поселилъ ее въ городъ и въ семью: такъ Жуковский, съ высоты Парнасса, оглашеннаго гимнами, одами и сатирами, свелъ Поэзію въ нашу душу,—и съ его времени душа человѣческая, обращенная сама на себя, дала ей жизнь и содержаніе. Вотъ почему съ той поры Поэзія стала ближе къ намъ, устами его заговорила всему внутреннему существу нашему и глубоко потрясла его.

а) Личныя чувства души, еще до Жуковского, входили въ содержаніе Русской Поэзіи. Но Французская трагедія позволяла жить ими только своимъ героямъ и героинямъ. Повѣсть Карамзина завоевала у нихъ это преимущество въ пользу людей всѣхъ сословій. Но чувство въ повѣстяхъ Карамзина являлось не живымъ, общимъ чувствомъ, а чувствомъ сентиментальной школы, которая взяла его своимъ девизомъ, хотѣла насильно жить имъ, и имъ исключительно. Это было чувство, придуманное въ противодѣйствіе разсудку, а не чувство естественное, простое. Дмитріевъ и Нелединскій скорѣе могутъ быть названы предшественниками Жуковского: первый своимъ противодѣйствіемъ искусственному тону прежней лирики, второй живымъ чувствомъ своихъ пѣсень.)

8) Но не одно чувство душевное дало содержаніе поэзіи Жуковского, а вся душа человѣка со всеми ея явленіями. Жу-

ковскій такой же двигатель чувства, какъ и мысли, которую называлъ онъ великаномъ. Подвиги его въ этой области еще не все извѣстны: мы знаемъ, что особенно въ послѣдніе годы жизни онъ много жилъ и работалъ въ мірѣ мысли, что онъ хотѣлъ положить нѣкоторыя основы для Философіи Христіанской въ Россіи. Тѣ начала, которыя онъ кратко указалъ для науки искусства, превосходны.

Жуковскій, какъ вноситель міра душевнаго въ содержаніе Русской поэзіи, есть родоначальникъ всѣхъ Русскихъ поэтовъ, за нимъ послѣдовавшихъ до Гоголя включительно. Правда, онъ видѣлъ еще этотъ міръ душъ сквозь блескъ и туманъ очарованья. Но онъ прозираетъ уже въ немъ темныя страсти и пороки, указываетъ на лукавыя наущенія демона; однако, надъ всѣмъ этимъ возноситъ свой лучезарный идеалъ душъ, сотканный изъ всего высокаго, чистаго, благороднаго, святаго — и эта душа, прекрасная и влюбленная въ дивныя красоты души человѣческой, выражалась въ чудныхъ звукахъ.

В. Чтò новаго внесъ Жуковскій во внѣшнюю форму Русской поэзіи? — Пластика и живопись слова принадлежатъ Ломоносову и Державину. У перваго всякой образъ какъ будто изваянь, и слово — мраморъ; у втораго слова — самыя яркія краски, которыя онъ сыплетъ, какъ свои рубины, алмазы и яхонты. Жуковскій усвоилъ себѣ живописную стихію слова, но у него все картины, какъ уже было говорено, при всей ихъ живости, простотѣ и естественности, мягки, озарены свѣтомъ души, и потому имѣютъ болѣе единства въ колоритѣ. Но стихія, созданная имъ собственно, была музыкальная. Метръ, сотворенный Ломоносовымъ для Русской поэзіи, разработанъ былъ Жуковскимъ на всевозможные лады. Какихъ размѣровъ въ Русскомъ языкѣ не отгадало его ухо? Но откуда же пошла эта очаровательная, волшебная, разнообразная музыка стиховъ въ поэзіи Жуковскаго? Гдѣ ей тайна? Эти звуки могла вызвать изъ Русскаго слова только душа, въ немъ заговорившая. Эти звуки — ея неосознанное, незримое тѣло. То невыразимое, о которомъ сказалъ онъ, что нѣтъ ему образа въ словѣ, нашло выраженіе въ звукахъ. Первыя стрѣфы *Сельскаго кладбища* — начало этой небывалой до

него музыки въ Русской поэзіи. Кто не упивался стихами *Эоловой арфы*, какъ звуками, для того гармонія Русскаго слова — неразгаданная тайна.

Новое содержаніе, открытое Жуковскимъ для Русской поэзіи, объясняетъ, отчасти, почему легче ему было настраивать лиру свою съ самаго начѣла подъ чужія пѣсни. Душа человѣческая успѣла уже тамъ, у другихъ народовъ, выразить богатство своего внутренняго міра. Слово души одно для всѣхъ. Надобно было только почувствовать въ себѣ могущество языка своего, чтобы передать на немъ это слово, а здѣсь и тайна поэта. Наслушавшись громкихъ пѣсней о славныхъ міра, осмнадцатилѣтній поэтъ вышелъ къ безымяннымъ покойникамъ села, и, подъ звуки простой сельской элегіи Грея, надъ ихъ могилами, задумалъ свою первую душевную пѣсню.

Элегія, Романсъ, Посланіе и Баллада, были первыми формами поэзіи Жуковскаго.

Элегію началась она: съ грустнаго чувства запѣваетъ свою первую пѣсню душа. Карамзинъ, по своей природной наклонности къ меланхоліи, воображалъ, что съ элегіи началась и поэзія челоѣка вообще. Элегія имѣла у Грековъ, кромѣ жалобнаго, самый разнообразный характеръ: и воинственный, и пиршественный, и государственный. У Римлянъ она ограничилась жалобами любви, особенно чувственной. Въ Христіанской поэзіи элегія приняла характеръ скорби и думы обо всемъ погибшемъ. Такова и *Элегія Жуковскаго*. Но скорбь ея не безнадежная: чувствомъ вѣры торжественно разрѣшается она въ успокоеніе, даже иногда въ какую-то духовную радость. Таковы *Теонъ и Эсхинъ* и *Элегія на кончину Королевы Виртембергской*.

Первый *Романсъ Жуковскаго*: «Дуброва шумитъ,» подражаніе романсу Шиллеровой Теклы, принявшей образъ Русской дѣвы, такъ пришеялся чувствомъ своимъ къ Русской пѣснѣ, что сдѣлался народнымъ. Содержаніе романсовъ Жуковскаго все носится между воспоминаніемъ о миломъ прошломъ и стремленіемъ къ желанному будущему, въ которомъ первое возвратится. Оно все выражено въ этихъ стихахъ:

О милое воспоминаніе
О томъ, чего ужъ въ мірѣ нѣтъ!
О дума сердца — упованіе
На лучший, неизмѣнный свѣтъ!
Блаженъ, кто васъ среди губящаго
Волненья жизни сохранилъ,
И съ вами низость настоящаго
И пренебрегъ и позабылъ.

Послание — форма, заимствованная Жуковскимъ у Французскихъ поэтовъ. Она характеризуетъ его поколѣніе, писатели котораго соединялись силою дружбы и взаимнаго общественнаго дѣйствія. Въ этой формѣ они любили выражать другъ другу, передъ обществомъ, свои убѣжденія, надежды, заветныя мечты. Въ посланіяхъ Жуковскаго къ друзьямъ высказанъ взглядъ его на поэзію, на любовь, на жизнь. Послание обращалъ поэтъ и къ сильнымъ міра: тогда принимало оно важный характеръ, и замѣняя оду, искреннѣе, теплѣе и живѣе, выражало чувства души, чѣмъ громкая ода.

Изъ всѣхъ формъ поэзіи, усвоенныхъ Жуковскимъ отъ Запада, Баллада есть та форма, которую наиболѣе приписываютъ романтической школѣ, хотя романсъ, по своему названію, гораздо сроднѣе романтизму. Имя баллады Италіянское (*ballata*): въ поэзіи Италіи такъ называлось стихотвореніе, пѣніе котораго сопровождается было пляскою. Изъ Прованса черезъ Францію перешла баллада на Сѣверъ, въ Англію, и здѣсь стала народною формою поэзіи въ устахъ и подъ перомъ мѣнстрелей, которые сочиняли баллады и въ монастыряхъ, и при дворахъ Королей, и въ шумныхъ сходкахъ народа. Баллады сдѣлались живою поэтическою летописью Англичанъ: не было славнаго событія въ ихъ исторіи, котораго онѣ не сохранили бы. Въ нихъ воспѣвались и любимые ихъ герои. Такую же точно ролю исторической народной пѣсни игралъ и Романсъ (*romance*) въ Испаніи. Баллада, до введенія газеты, замѣняла ее въ Англіи: въ XVI еще вѣкѣ, не было убійства, казни, сраженія, бури, словомъ, не было происшествія, которое бы тотчасъ же, въ куплетахъ баллады, не разносилось по Англійскому на-

роду черезъ странствующихъ мѣнстрелей. Такого рода баллады нерѣдко раздаются и въ драмахъ Шекспира; но въ его время онѣ уже были отголосками минувшаго. Въ 1588 году, эта народная вѣстовица, баллада уступила мѣсто учрежденію государственному — газетѣ, которой первый нумеръ явился вмѣстѣ съ грозною армадою Испаніи на берегахъ Англіи; а въ 1597 году мѣнстрель — этотъ поэтъ феодальный — въ статутъ Королевы Елисаветы признанъ за бродягу.⁵⁹

Въ концѣ XVIII вѣка, когда послѣдовало въ Англіи возвращеніе къ народнымъ преданіямъ поэзіи и исторіи, старинныя баллады были изданы, какъ матеріалы живыхъ историческихъ преданій народа. Тогда и многіе поэты Англійскіе полюбили этотъ видъ поэзіи, и начали его воздѣлывать: таковы Соути, Вальтеръ Скоттъ, Робертъ Барнсъ. Германію съ старинной Англійской балладой познакомили Гердеръ и Бодмеръ. Бюргеръ усвоилъ ее Нѣмецкой поэзіи; Шиллеръ и Гёте, соревнуя въ ней другъ другу, довели ее до совершенства. Древняя же народная поэзія Германіи собственно балладъ не имѣла.⁶⁰ Главный представитель Нѣмецкаго романтизма, Тикъ, не написалъ ни одной.

Внѣшняя форма и строй баллады принадлежатъ поэзіи лирической. Содержаніе ея есть драматическое дѣйствіе, схваченное чувствомъ изъ жизни и перенесенное въ міръ фантазіи: во всякой балладѣ есть зародышъ драмы, но въ ней какъ бы улечена вся ея дѣйствительность, и самое дѣйствіе предстаётъ намъ, какъ видѣніе души, какъ явленіе таинственное внутренняго міра. Вотъ, гдѣ причина такого сочувствія въ Жуковскомъ къ этому виду поэзіи.

Англія и Германія, балладами Бюргера, Шиллера, Соути, Уланда, Гёте, В. Скотта, настроивали Жуковского на тѣ вдохновенія, которымъ мы обязаны такими чудными красотами въ Русской поэзіи. Какъ очаровательные призраки, проносятся передъ нами его баллады, страшныя и нѣжныя, грозныя и милыя, величавыя и причудливыя, чаруя насъ и волшебствомъ летучаго видѣнія и прелестью своихъ разнообразныхъ звуковъ. Не во гнѣвъ мнѣнію нашихъ критиковъ,

слабѣе другихъ мнѣ кажутся тѣ баллады, въ которыхъ Нѣмецкія преданія переносятся на Русскую почву. Вся прелесть искусства не можетъ искупить лжи въ основѣ созданія. Но сличая пустой романъ Шписа⁶¹ съ *Громобоемъ* и *Вадимомъ*, любопытно видѣть, какъ *геній чистой красоты* въ созданіяхъ Жуковского облагораживаетъ и умягчаетъ жесткую грубость средневѣковыхъ преданій Германіи. *Свѣтлана*, *Эолова арфа*, *Ахиллъ* съ предчувствіемъ своей кратковѣчности, возносятся надъ всѣми произведеніями Жуковского въ этомъ родѣ. Свѣтлана представляетъ тотъ видъ красоты въ Русской поэзіи, для котораго нѣтъ выраженія ни въ какой Нѣмецкой Эстетикѣ, а есть въ Русскомъ языкѣ: это наше родное милое, принявшее свѣтлый образъ. Богдановичъ, первый, отгадывалъ этотъ видъ Русской красоты въ своей Душенькѣ. Для Жуковского *милое* совершилось въ очью въ его Свѣтланѣ. *Эолова арфа* своими стихами оправдываетъ свое названіе: въ эти эфирные звуки воплотилась чистая любовь души, спасенная и за могилой. *Ахиллъ*, какъ и Шиллерова *Кассандра*, отходитъ отъ древняго міра и откликается нашему своимъ скорбнымъ предчувствіемъ—этимъ тягостнымъ даромъ души. Изъ переводныхъ балладъ: *Замокъ Смальгольмъ* В. Скотта и *Кубокъ* Шиллера, стоятъ на степени творческихъ созданій.

6 Отечественный періодъ поэзіи Жуковского, совпадая съ славнѣйшими годами Русской жизни нашего столѣтія, является съ перваго взгляда чѣмъ-то случайнымъ въ ряду его произведеній; но вникнувъ глубже, мы увидимъ, что онъ также связанъ съ внутреннимъ существомъ его искусства. До Жуковского, Русская поэзія носила всего болѣе современный характеръ и откликалась на громкія событія государства. Міръ душъ, открытый Жуковскимъ для поэзіи, разрушилъ эту связь ея съ случайными отношеніями времени: не можетъ быть годовъ и чиселъ на тѣхъ пѣсняхъ, которыя «зараждаютъ глубина душъ».^{62 а} Но событія 12 года потрясли всѣ чувства въ душѣ Русской и взворошили со дна ея все, что хранилось въ ней отъ самыхъ дальнихъ вѣковъ завѣтнаго и священнаго. Церковь, Царь, народъ, воинство, с.лн-

лись въ одну душу; вся Россія, поднявшаяся какъ одинъ человекъ, съ глаголомъ Божиимъ въ устахъ, съ мечемъ правды и свободы въ рукъ, лицомъ къ лицу, предстала поэту,—и сама жизнь явилась ему въ то время, какъ высокая поэзія. Тогда ударила не случайная, но вѣчная минута въ жизни народа Русскаго—и ей откликнулась чистая душа пѣвца—и чудо! въ мягкихъ и нѣжныхъ звукахъ его лиры сказалась сила, до той поры небывалая.

Поразительны эти событія, которыми Западъ вызывалъ насъ къ сознанію внутреннихъ основъ нашей жизни. Мы, новобранцы въ дѣлѣ его наукъ и искусствъ, простирали къ нему, во имя просвѣщенія, самыя полныя и искреннія объятія. Все поколѣніе двѣнадцатаго года, предшествовавшими царствованіями, воспитано было въ духъ свободнаго общенія съ нимъ,—и вотъ этому самому поколѣнію суждено встрѣтить грудью ополченіе двадцати просвѣщенныхъ державъ, съ гениемъ Европы во главѣ ихъ, несущихъ мечъ и огонь въ наши предѣлы на мѣсто добра и мысли, которыхъ мы отъ нихъ ждали. «Пожаръ Москвы былъ заревомъ свободы всѣхъ царствъ земныхъ»^{62b}: въ немъ же засіяла заря и нашего народнаго самопознанія.

Пѣвецъ въ станѣ, Пѣвецъ въ Кремль и посланіе къ Императору Александру — памятники слѣда этого незабвеннаго времени, дѣла поэта-воина, съ честью сражавшагося подъ Бородинымъ и подъ Краснымъ. *Пѣвецъ въ станѣ* есть пѣсня не одной строгой любви къ отечеству, какова была Римская: здѣсь затронуты всѣ живѣйшія струны душъ человѣческой; здѣсь вмѣстѣ съ Отечествомъ, Царемъ, предками, вождами, подняты кубки въ честь любви, дружбы и поэзіи! Но надъ всеми чувствами сіяетъ вѣра. Изъ вождей рати спасенія, воспѣтыхъ пѣвцомъ, немногіе озаряютъ насъ еще дивной памятью 12-го года и его пламенной пѣсни. Въ ней пѣлъ онъ славную рану Воронцова, теперь смирителя Кавказа, тогда встрѣтившаго весь первый натискъ непріятеля на полѣ Бородинскомъ, ту рану, которая изъ вождей, на первомъ на немъ, засіяла передъ воинами и зажгла въ нихъ сильнѣе духъ мщенія и мужества. Онъ пѣлъ и Чернышева,

однимъ взглядомъ бросавшаго дружину на мечъ и громъ.
Онъ пѣлъ и маститаго исполина, вблизи насъ говорящаго
намъ живой памятью исполинской брани 12-го года. Къ
нему, послѣ «вождя вождей, героя подъ съдинами», неслись
первые звуки славнаго ихъ величанья на кровавомъ пирѣ:

Хвала сподвижникамъ — вождямъ!

Ермоловъ, витязь юный,

Ты ратнымъ братъ, ты жизнь полкамъ

И страхъ твои перуны.

Въ этихъ достопамятныхъ герояхъ и во всемъ молодомъ
поколѣннн ихъ сподвижниковъ олицетворялись не однѣ бо-
гатырскія силы нашего народа, но и всѣ нравственныя ос-
новы душн, всѣ священныя убѣжденія ума и сердца, вос-
питанныя нашею доброю жизнію и такъ прекрасно выра-
женныя пѣвцомъ героическаго поколѣнн:

Въ высокой долѣ — простота;

Нежадность въ наслажденьѣ;

Въ союзѣ съ ровнымъ — правота;

Въ могуществѣ — смиренье.

*

Обѣтамъ — вѣчность; чести честь;

Покорность — правой власти;

Для дружбы — все, что въ мнръ есть;

Любви — весь пламень страсти;

Утѣха — скорби; просьбѣ — дань;

Погибели — спасенье;

Могущему пороку — брань,

Безсильному — презрѣнье;

Неправдѣ — грозный правды гласъ;

Заслугѣ — воздаянье;

Спокойствіе — въ послѣдній часъ;

При гробѣ — упованье.

Пѣсня въ станѣ возмущается иногда неизбежными чув-
ствами войны и поднимаетъ еще кубокъ мщенію. Но пѣсня
въ Кремлѣ, въ обновленномъ нашемъ Сіонѣ, прекрасно
восполняя предъидущую, дышетъ однимъ примиреньемъ и

любовію. Она — отголосокъ на тѣ священныя слова, которыми Благословенный побѣдитель призывалъ народъ свой и воинство къ Христіанскому подвигу: «При толь бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣливостію и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюють? — Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ».⁶³ — «Гнѣвъ Божій поразили ихъ. Не уподобимся имъ; челоуколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. Слава Россіянина низвергать ополченнаго врага, и по исторженіи изъ рукъ его оружія, благодѣтельствовать ему и мирнымъ его собратіямъ».⁶⁴ Но силу на такой подвигъ мы могли почерпнуть не изъ образованія Запада, не изъ себялюбивой политики его Исторіи: такой подвигъ внушила намъ, какъ сказалъ самъ же Царь, къ нему призывавшій: «свято почитаемая въ душахъ нашихъ православная Вѣра», которая говоритъ: «любите враги ваша, и ненавидящимъ васъ творите добро».⁶⁵ Ею одушевленный, могъ пѣвецъ на развалинахъ Кремля воскликнуть:

И за развалины Кремля
Парижу мзда: спасенье.

Подъ ея святымъ внушеніемъ, онъ покрывалъ такими словами любви и мира всѣ крики и вопли неистовой брани:

О совершись, святой завѣтъ!
Въ одну семью, народы!
Цари, въ одинъ отцевъ совѣтъ!
Будь, сила, щитъ свободы!
Духъ благодати, пронесись
Надъ мирною вселенной,
И вся земля совокупись
Въ единый градъ нетлѣнный!

Въ совѣтъ къ царямъ, небесный Царь!
Символь имъ: Провидѣнье!
Тронъ власти, обратись въ алтарь!
Въ любовь повиновенье!

*

Утихни, ярый духъ войны;
Не жизни истребитель,
Будь жизни благъ и тишины
И вѣчныхъ правъ хранитель.
Ты, мудрость смертныхъ, усмирись
Предъ мудростію Бога,
И въ мракъ жизни озарись,
Къ небесному дорога.
Будь, Вѣра, твердый якорь намъ
Средь волнъ безвѣстныхъ рока,
И ты, въ нерукотворный храмъ
Свѣти, звѣзда Востока!

Но для совершенія этого подвига, неслыханнаго въ исторіи, для того, чтобы Русской могъ пропѣть на площади Парижа святую пѣсню воскресную и предложить братскій поцѣлуй врагу своему, необходимо было, чтобы весь народъ единодушно предалъ волю, мысль, силы, имущества Единому, и чтобы этотъ Единый, заключивъ въ себя народъ и вложивъ его въ руку Божію, вынесъ изъ основъ его жизни любовь и смиреніе, которыми посрамилъ побѣжденную имъ злобу и гордость. Величайшая минута въ жизни Императора Александра проистекла изъ взаимной вѣры Царя и народа другъ ко другу и Вѣры обоихъ въ Бога. Посланіе Жуковскаго къ Императору Александру начинается робкимъ голосомъ пѣвца и оканчивается общимъ голосомъ всего народа: «все въ жертву за Царя!» Это — зеркало прекрасной души Царской, и возчувствованный живѣе, въ минуту славы и счастья, всегдашній объѣтъ Царю отъ народа, поднесенный Ему свободнымъ голосомъ Поэта

• За вѣру въ страшный часъ къ народу своему!

Весело было Русскому пѣвцу, искреннимъ голосомъ чистой души своей, славить Царя и благодарить Бога

За царственную высоту
Его души благія,
За чистой славы красоту,
Въ какой имъ днесь Россія,

когда чуждые пѣвцы гордаго Альбіона гремѣли ему хвалою, когда Соути въ извѣстной одѣ Императору Александру такъ говорилъ Россіи: «Воздвигай, Россія, изъ добычъ твоихъ, изъ орудій смерти, покинутыхъ бѣглецомъ-тираномъ, монументъ, котораго благороднѣе и Римъ не воздвигалъ на всей высотѣ своей гордости и могущества. Но Александръ, на берегахъ Сены, уже поставилъ для всѣхъ вѣковъ твой благороднѣйшій монументъ — *Парижъ взятый и пощаженный*.»^{66а} Другой поэтъ, Вальтеръ Скоттъ, въ 1816 году, привѣтствуя на пиру отъ имени Эдимбурга Царственного Гостя, нынѣ Императора Россіи, призывалъ благословеніе Божіе на наше Отечество, на Брата Его, умѣвшаго какъ побѣждать, такъ и прощать враговъ своихъ, и приглашалъ оба великіе народа къ рукожатію во время мира, къ товаришеству на полѣ брани.

Во всемірномъ періодѣ Поэзіи Жуковскаго, Германія является посредницею между имъ и тѣми народами, кромѣ Англійскаго и Римскаго, у которыхъ онъ заимствовалъ образцы для своихъ переводовъ. Не сочувствуемъ мы поэту, когда онъ слишкомъ увлекается средневѣковыми преданіями Германіи, или пересаживаетъ чужое и несродное намъ на нашу народную почву, или подчиняется какому-нибудь образцу Нѣмецкому, впрочемъ всегда возносясь надъ нимъ и умѣя возвести его въ перлъ созданія; но мы не можемъ не оправдать Жуковскаго въ его привязанности къ Германіи, доходившей до пристрастія, когда вспомнимъ, сколько матеріаловъ доставила она ему своими огромными, учеными и художественными трудами, для произведеній всемірнаго періода его поэзіи.

Прежде чѣмъ обозрѣть его, здѣсь мѣсто опредѣлить отношенія между Жуковскимъ и тѣми первенствующими поэтами, которые въ западной Европѣ были почти всѣ его современниками. Ихъ четверо: Шиллеръ, Гёте, Байронъ и

Вальтеръ Скоттъ.⁶⁶ ¹⁾ Задача наша не сравнивать художниковъ, а только опредѣлить въ Жуковскомъ возможность большаго или меньшаго сочувствія къ тому или другому поэту, возможность, проистекающую въ немъ изъ яснаго пониманія живой гармоніи между поэтомъ и человѣкомъ, между поэзіею и жизнью, какое трудно встрѣтить въ другомъ поэтѣ. Жуковскій мыслилъ и чувствовалъ и смотрѣлъ на міръ и на себя, и на свои къ нему отношенія, совершенно одинаково какъ поэтъ и какъ человѣкъ, во всѣ минуты своей жизни, независимо отъ того, писалъ ли онъ стихи или дѣйствовалъ въ жизни. И это единство человѣка и поэта давало стихамъ его ту проницающую душу силу искренности, которой произведенія другихъ поэтовъ или не имѣли, или не имѣли въ такой степени. Эта же причина давала его переводамъ всю значительность оригинальныхъ созданій. Но это единство поэзіи и жизни не ограничивалось только минутною искренностію, какъ бывало у другихъ поэтовъ, у которыхъ иногда поэзія точно выражаетъ ихъ жизнь, но только жизнь какого-нибудь краткаго періода времени, которому совершенно не соответствуетъ другой, слѣдующій за нимъ поворотъ жизни. У Жуковского *вся* жизнь его представляетъ одно согласное съ собою, гармоническое цѣлое: потому и поэзія его, — какъ бы ни различны были ея роды, ея источники и краски, — представляетъ также одно цѣльное живое, одушевленное созданіе, хотя отдѣльныя части этого цѣлаго собраны изъ другихъ, по видимому разнородныхъ поэзій. Эта *цѣльность* и это *единство* поэзіи и жизни, какъ главная особенность Жуковского, должны были опредѣлить и мѣру его сочувствія съ тѣмъ или другимъ изъ его великихъ современниковъ.

Съ Шиллеромъ Жуковскій имѣлъ болѣе сродства по лирическому настроенію поэзіи, по одинаковымъ влеченіямъ въ міръ идеаловъ, въ міръ очарованія. Жуковскій переводилъ изъ него чаще, чѣмъ изъ другихъ поэтовъ. Но жизнь, какъ и поэзія Шиллера, отзываются неровными, бурными порывами духа. Много самообольщеній было у него въ искусствѣ; много отреченій онъ прожилъ, много минутъ,

разорвавшихъ жизнь на части. Изъ крѣпкой семьи Шиллеръ вынесъ христіанскія убѣжденія; первый порывъ его былъ даже служить Богу; но часто сомнѣнія мрачили свѣтлую душу, и въ эти темныя минуты онъ искалъ забыться въ восторгахъ поэзіи; увлеченный порывомъ, онъ готовъ былъ въ стихахъ кланяться кумирамъ Греціи; по волнамъ чувствъ непрерывно носилась душа его и рано сокрушила прекрасную жизнь.⁶⁸ Во многомъ сочувствуя Шиллеру, Жуковскій не могъ сочувствовать въ немъ безперерывному раздору между чувствомъ и мыслію.

Въ отношеніи къ формѣ искусства, къ вѣрности типа поэтическихъ произведеній, къ отчетливости художественнаго стиля, гораздо болѣе сродства между Жуковскимъ и Гёте. Жуковскій, вмѣстѣ съ вѣкомъ своимъ, дивился этому генію Германіи и преклонялся передъ нимъ. Они были лично знакомы, и въ той дани уваженія, которую Гёте обильно собиралъ отовсюду, есть приношенія и Жуковского.⁶⁹ Но изумленіе не сочувствіе. Позднѣе изучилъ онъ Гёте чѣмъ другихъ поэтовъ, когда уже взглядъ его на жизнь и поэзію опредѣлился. — Рѣже чѣмъ другимъ, покорялось Гёте вдохновеніе Русскаго поэта. Балладу: *Рыбакъ и Романсъ Миньоны*, Жуковскій исключилъ, однако, изъ полного собранія своихъ стихотвореній. Геній Гёте весьма вѣрно опредѣляли критики Германіи, говоря, что онъ не столько усвоивалъ себѣ предметы, сколько самъ усвоивался имъ. Въ вѣкъ, который хотѣлъ *дѣйствовать*, Гёте, на перекоръ ему, хотѣлъ только *наблюдать*, и поселившись въ міръ искусства и науки, отрѣшилъ себя отъ жизни съ ея религіозными и политическими вопросами, наиболѣе волновавшими его современниковъ.⁷⁰ Во время Лейпцигской битвы, во время національных войнъ Германіи, Гёте отдѣлывалъ стихи своего Западно-восточнаго дивана. Эта, прославленная одними, опроченнная другими, *объективность* Нѣмецкаго поэта не могла придтись по сердцу поэту Русскому, который два раза покидалъ лиру для двухъ великихъ дѣлъ жизни, признавая, что есть что-то высшее надъ поэзіею, какъ искусствомъ. Равно поклонялся Гёте всякому произведенію природы, какъ

и произведенію искусства. Силой возсоздающаго творчества воздвигъ онъ въ Германіи пантеонъ всемірной поэзіи, собравъ въ него образцы отовсюду. Геній его, въ отношеніи къ природѣ и къ искусству всехъ народовъ, по счастливому выраженію Гр. Уварова, походилъ на призму; но радуга творческаго луча, озаряющая его произведенія, радуга призмы, а не та живая, которую видимъ на твореніи Божіемъ и на произведеніяхъ человѣческихъ. Холодомъ искусственности созданія вѣетъ отъ изыскаго совершенства произведеній Германскаго пантеона поэзіи: изумляешься художнику, но не живешь съ нимъ душою. Дѣло Жуковскаго въ нашей Словесности имѣетъ нѣкоторое сходство съ этимъ дѣломъ Гёте: онъ также собралъ въ нее образцы отовсюду, но, не владея всемірнымъ творчествомъ въ духъ другихъ народовъ и эпохъ и не посягая на него, вѣрнѣе остался тѣмъ образцамъ, какіе переносилъ въ Русское слово. Ими жилъ онъ душою, почувствовалъ въ нихъ прекрасное, и передалъ намъ его на родномъ языкѣ, свободно, безъ всякаго ему насилія.

Между Байрономъ и Жуковскимъ могли бы быть точки соприкосновенія, но начала и убѣжденія разводили ихъ на разстояніе неизмѣримое. Оба лирики, но какая разница въ духъ и направленіи лиризма обоихъ! Одинъ говорилъ:

Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?

Другой немилосердо срывалъ съ нея покровы. Какъ пѣвецъ неистощимаго страданія человѣческаго, Байронъ могъ привлечь къ себѣ вдохновеніе Жуковскаго, который видѣлъ въ страданіи необходимую пищу для поэзіи и жизни; но какъ небо и земля, расходятся точки зрѣнія, съ которыхъ и тотъ и другой смотрѣли на страданіе чловѣка. Благодарностью и молитвой озарялось вдохновеніе одного; ропотомъ и язвительной насмѣшкой отзывалось слово другаго. Для Жуковскаго поэтъ и чловѣкъ сливались въ существо нераздѣльное; у него и въ жизни поэтъ долженъ былъ чисто и свято беречь тотъ храмъ души, куда призывалъ онъ свое вдохновеніе. Байронъ же говорилъ: «Поэзія въ чловѣкѣ есть способность, душа отдѣльная, и столько же мало имѣетъ сношенія съ

человѣкомъ повседневнымъ, какъ вдохновеніе съ пнѣйскою жрицей, когда она сошла съ треножника». Жуковскій видѣлъ въ поэзіи узду страсти; Байронъ сознавался, что все, имъ написанное, было внушеніе только одной страсти. Жуковскій высоко цѣнилъ благотворный трудъ, питающій вдохновеніе: онъ называлъ «его цѣлителемъ печальной души, животворителемъ счастья», а само вдохновеніе слетало къ поэту, какъ Божіе дыханье съ небесъ,

Свѣжо, какъ утро,
И пламенно, какъ солнце, и отрадно,
Какъ слезы, и разительно, какъ громъ,
И увлекательно, какъ звуки арфы.

Байронъ говорилъ, что необходимость писать мучить его, какъ внутренняя пытка, отъ которой онъ долженъ освободиться; что сочиненіе никогда не доставляетъ ему удовольствія; что оно въ немъ жестокой трудъ. Жуковскій вѣрилъ въ истину и красоту своего призванія. Байронъ считалъ въкъ свой упадкомъ поэзіи; сознавался другу своему Муру, что онъ идетъ ложнымъ путемъ вмѣстѣ со многими другими; удивлялся успѣхамъ своихъ произведеній. Разочарованіе его простиралось и на искусство. «Всякое поэтическое произведеніе, говоритъ онъ, хорошо не все, а только искрами: небо не сплошь вышито изъ звѣздъ». Таковы свойства вдохновенія, которое непрерывно осянялось мрачнымъ расположеніемъ духа.⁷¹

По душѣ и образу мыслей, Жуковскій питалъ наибольшее сочувствіе къ Валтеръ-Скотту. Въ своемъ письмѣ къ Гоголю: о *Поэтѣ и его современномъ значеніи*, онъ выразилъ благодарность сердца романисту Англіи, какъ благотворителю души человѣческой. Но въ родѣ поэзіи того и другаго не было сходства, за исключеніемъ средневѣковой баллады, которую В. Скоттъ любилъ, какъ живой отголосокъ историческихъ преданій своей Шотландіи. Онъ былъ поэтомъ исторической дѣйствительности. Онъ оставилъ стихъ для прозы. Онъ принадлежалъ душою тѣмъ лучшимъ стремленіямъ въка, которыя заключались въ добросовѣстныхъ трудахъ науки

и дали возможность современному историку и поэту отдѣляться мыслію отъ своего мѣста и времени и находить своего ближняго, своего собрата и земляка въ другихъ эпохахъ, въ древнихъ слояхъ жизни, сложенной изъ того же камня какъ и наша. Разъ только, В. Скоттъ измѣнилъ своему призванію, задумавъ быть историкомъ того же самаго времени, отъ котораго удаляла его фантазія къ среднимъ вѣкамъ, и въ 12 мѣсяцевъ набросалъ намъ жизнь Наполеона; но ошибки великихъ людей оправдываются нерѣдко обстоятельствами ихъ жизни.⁷²

Обозримъ же теперь вкратцѣ всѣ главныя произведенія Жуковскаго въ третьемъ періодѣ его поэзіи и остановимъ вниманіе наше, особенно на мысли, одушевляющей каждое изъ нихъ.

Созрѣвшій поэтический языкъ Жуковскій принесъ въ дань, прежде всѣхъ, любимому поэту своему, Шиллеру. Въ созданіи *Дѣвы Орлеанской* есть ошибка: разногласіе между идеею и формою. Идея требовала эпоса: поэтъ облекъ ее въ драму, дѣйствіе которой является эпизодомъ народнаго событія, чудеснаго спасенія Франціи. Авторъ сознавалъ этотъ недостатокъ, назвавъ произведеніе драматическою поэмой. Невинная дѣва, чудомъ Божиимъ взявшая мечъ и щитъ, и надѣвшая шлемъ и латы воина; голубица, взвившаяся высоко и налетѣвшая на орла; слабый сосудъ женскаго сердца, избранный для великаго подвига, и сокрушившійся, когда запылала въ немъ земная человѣческая страсть — вотъ мысль поэмы, одушевившая переводчика. Но кромѣ этой мысли, есть живое соотношеніе между временемъ перевода и содержаніемъ поэмы. Память годовъ чудеснаго спасенія нашего была свѣжа: сближая 1812-й съ 1612-мъ въ единствѣ народной мысли, мы воздвигали тогда памятникъ Минину и Пожарскому. Въ нѣкоторыхъ стихахъ Іоанны какъ будто слышится отголоски современные:

Покорности Господь всегда доступенъ:
Смирися ты — тебя Онъ возвеличилъ.

Нашъ могучій кликъ: *Съ нами Богъ!* на мѣсто Нѣмецкаго:

So sey Gott mir gnädig! Жуковскій вложилъ въ уста Іоаннѣ, когда она чудомъ разрываетъ оковы и летитъ на спасеніе Короля и отечества. Совершенствомъ языка переводъ равенъ созданію. Вспомнимъ, что здѣсь зародился стихъ Бориса Годунова Пушкина.

Изъ произведеній Томаса Мура, благоухающихъ роскошью востока до изнѣженности, геній чистой красоты избралъ самое чистое: *Пери и Ангелъ*. Не принялъ Ангелъ двухъ первыхъ даровъ отъ Пері: ни крови, пролитой за дѣло чести и свободу, ни вздоха любви, забывшей себя и неизмѣнившейся до конца; но отворились двери рая слезамъ покаянія, которыми заплакалъ разбойникъ при видѣ молящагося младенца. Этою красотою покаянія Жуковскій плѣнился еще прежде въ образъ Аббадоны. Хотя созданіе творца Мессіады отзывается ложью, ибо падшій Ангелъ каяться не можетъ;⁷³ но самый образъ раскаянія, носящагося по безднѣ творенія, и не могущаго найти покоя, поэтически прекрасенъ.

Шильонскій узникъ привлекъ Жуковского любимой идеей страданія. Съ какимъ сочувствіемъ геній чистой красоты подлетѣлъ къ Байрону, и вторилъ Русскимъ словомъ его пѣсни, когда она пѣла страданіе безъ ропота, безъ насмѣшки, страданіе, какъ силу, красоту и любовь души. Три смерти изображены здѣсь — и тихая смерть младшаго нѣжнаго брата, какъ торжество душій, озаряетъ свѣтомъ своимъ весь ужасъ темницы; а вздохъ узника, вышедшаго на свободу, по той тюрьмѣ, которая создала для него цѣлый міръ страданій, не слѣдъ ли силы въ душѣ человѣческой, могущей превозмочь все?

Камоэнсъ, поэтъ, славный бѣдствіями жизни, вырвавшій у волнъ разъяреннаго моря свою Лузіаду, въ драматическомъ очеркѣ Гальма, одушевилъ Жуковского. Произведеніе написано было вскорѣ по смерти Пушкина. Гальмъ подалъ только поводъ Жуковскому выразить устами умирающаго Камоэнса всѣ свои убѣжденія, какъ поэта: сильнѣйшія лирическія мѣста, и особенно заключеніе, принадлежать переводу, а не подлиннику.⁷⁴ Судьба, какъ будто издѣвавшаяся надъ призваніемъ поэта, влачила Камоэнса повсюду, и довела до боль-

ницы сумасшедшаго. Поэтъ готовъ былъ передъ смертью усумниться въ поэзіи и отречься отъ прекраснаго дѣла своей жизни. Но само Провидѣніе спасаетъ его отъ такой отчаянной смерти, посылая ему юношу, вдохновеннаго его гениемъ, принять послѣдній вздохъ его и вызвать тѣ убѣжденія въ святости своего призванія, которыхъ сила таилась въ глубинѣ души, но могла быть обнаружена только въ послѣднемъ разрывѣ ея съ тѣломъ, чтобы сказать устами поэта:

Благословенно будъ души моей страданье!

Драматическій родъ поэзіи былъ не столько сроденъ душѣ Жуковскаго, сколько лирической и эпической. Двѣ драмы: Орлеанская Дѣва и Камоэнсъ, возсозданныя по Русски Жуковскимъ, привлекли его богатствомъ лирической стихіи. По двумъ же главнымъ формамъ: лирь и эпосу, въ которыя любила облекаться поэтическая мысль его, можно бы было раздѣлить всю его дѣятельность, какъ поэта, на два періода: лирической и эпической. Драматическая стихія пробивалась всего болѣе въ содержаніи балладъ, но ограничивалась, какъ сказали мы, только зародышемъ сильнаго дѣйствія, которое быстро схвачено чувствомъ, перенесено изъ міра дѣйствительнаго въ фантастическій, и потому остается безъ развитія.

Лирическое настроеніе, въ которомъ поэтъ живетъ чувствами и мыслями души своей, волнуясь прошедшимъ и очаровываясь будущимъ, переходило въ Жуковскомъ болѣе и болѣе въ эпическое, въ которомъ поэтъ погружается въ ясное и спокойное созерцаніе явленій міра Божія въ жизни природы и человѣка. Жуковский самъ сознавалъ перемѣну, въ немъ происходившую, и говорилъ:

Лѣта измѣнили

Мою поэзію; она теперь

Какъ я, состарѣлась и прismsирѣла;

Не увлекается хмѣльнымъ восторгомъ;

У рубежа вечерней жизни сидя,

На прошлое безъ грусти обращаетъ

Глаза, и думая о томъ, что насъ

Въ грядущемъ ждетъ, молчитъ.⁷⁵

Еще въ годы лирическаго періода, Жуковскаго вдохновляли

эпопей Клопштока, Виргилія и Овидія; но отрывки, переведенные имъ, отзываются лирическимъ чувствомъ: таковъ Аббадона, таково *Разрушеніе Трои*, эта повѣсть о *несказанномъ горѣ*, переданная очевидцемъ и участникомъ жертвою событія. Но рѣшительнѣе выразилось это эпическое настроеніе въ *Сказкахъ*. У Жуковского онъ двоякій: Нѣмецкія и Русскія. Сказку всего точнѣ опредѣляетъ наша же объ ней поговорка: «сказка складка, а пѣсня быль». Пѣсня, въ самомъ дѣлѣ, передаетъ намъ быль сердца или исторіи; сказка представляетъ вымыселъ, въ которомъ выражается складъ народнаго ума, ее сложившаго. Сказка у Нѣмцевъ, какъ у народа-философа, любитъ поученіе и назиданіе: дѣдушка, сидя съ внучками за овсянымъ киселемъ, начинается отъ овсянаго зернышка, и проводитъ его исторію отъ перваго ростка въ землѣ до того горшка, въ которомъ кисель варился; или любитъ, ночью, постращать лукавымъ и рассказать въ предостереженіе о тѣхъ злыхъ искушеніяхъ, которымъ онъ подвергаетъ человѣка въ жизни. Не любитъ правоученій Русская сказка. Она прямо бьетъ на фантазію: нѣтъ чуда, для нея невозможнаго; всѣ силы природы повинуются въ ней человѣку; время и пространство для нея не существуютъ: за тридцать земель, въ тридесятое царство умчить она, а между тѣмъ, многодумная и многосмысленная, остается вѣрна міру Русской жизни: угоститъ она васъ и скатертью самобранкой, позабавитъ и драчуномъ-дубинкой, повеселитъ и гуслями самогудами. Позднѣе, и вѣроятно по внушенію Пушкина, постигъ эту заманчивую прелесть Русской сказки Жуковский и подарилъ насъ *Сказками объ Царѣ Берендѣ, объ Иванѣ Царевичѣ и стрѣлѣ волкѣ*. Онъ ввелъ сюда спокойную ясность и пластическіе образы древняго эпоса, но не забылъ и милой Русской шуточки. Во имя этой шутки, въ чудномъ эпическомъ отрывкѣ, Жуковский съумѣлъ породнить и Греческую пародію о войнѣ лягушекъ съ мышами съ нашей народной притчей о Сибирскомъ котѣ-мурлыкѣ, и о томъ, какъ мыши его погребали: эта комическая рапсодія тѣмъ особенно примѣчательна, что здѣсь только разъ рѣзвая шутка Жуковского изъ его жизни перешла цѣликомъ въ поэзію.

Германія въ своихъ еще феодальныхъ преданіяхъ, Индія, Персія и Греція, предложили свои эпическіе образцы для послѣднихъ произведеній поэта.

Изъ всего, что содержитъ въ себѣ прелесть міра волнъ, созданъ образъ рѣзвой, шаловливой, неуловимой красавицы, *Ундины*. Дана ей жизнь, дано ей сердце, но не дано души; она можетъ получить ее только черезъ союзъ любви съ человекомъ. И вотъ союзъ заключенъ, — и ждетъ души, какъ страшнаго бремени, существо, до той поры беззаботное. Грусть и тоска терзаютъ Ундину. И вотъ за брачнымъ поцѣлуемъ разумная душа вошла въ ея тѣло и озарила его лучами кротости и любви. Но не на счастье, а на страданье, достался Ундинъ даръ души прекрасной, среди людей, утратившихъ это сокровище въ предразсудкахъ феодальной жизни: она становится жертвой гордости подруги, непризнавшей бѣдной матери, и грубостей мужа. Струями въ волны Дуная разливается ея тѣло; но душа бессмертная живетъ въ этихъ струяхъ, страдаетъ памятью любви своей, мститъ невѣрному, утѣшая его до смерти своими слезами, и сама, слезнымъ потокомъ выбившись изъ земли, обливаешь гробницу милаго рыцаря.

Слезы Ундины слились въ душѣ поэта въ живое сочувствіе съ воплями покинутой мужемъ, *Дамаянти*. Въ Индіи, гдѣ, по законамъ Ману, имя женщины должно было походить на слова благословенія, гдѣ уста ея признаны навсегда чистыми и не подчинялись обрядамъ очищенія, гдѣ семейству обѣщано благословеніе тогда, когда въ немъ уважена женщина, и гибель, когда оно проклято ею, — въ Индіи, гдѣ черезъ женщину только соединялись касты, расторгенныя политическимъ учрежденіемъ, могъ быть созданъ идеальный образъ вѣрной супруги Наля, Дамаянти. Сила непорочной жены такъ велика, что однимъ ея словомъ сраженъ святотатецъ, хотѣвшій посягнуть на сокровище ея вѣрности. Цвѣты Индійской поэзіи, какъ Сакунтала и Дамаянти, пересаженные на Европейскую почву, теряютъ у насъ свою восточную пряность, подобно Индійскимъ растеніямъ, — но мы роднимся съ ними во имя того, что во

всѣхъ климатахъ и народахъ прекрасно по-человѣчески. Такъ Жуковскій породнилъ насъ съ однимъ изъ любимыхъ народныхъ эпизодовъ Индiйской Магабгараты.

Чудо слова, какъ говорятъ Персидскiе поэты, сошло съ неба на землю, чтобы отличить челоуѣка отъ животныхъ, а поэтъ Фирдуси, въ своей царственной поэмѣ: Шахъ-Наме, на крыльяхъ поэзи, возвратилъ это чудесное слово отъ земли опять къ небу. Жуковскiй усвоилъ нашему языку одинъ только эпизодъ поэмы: *Рустемъ и Зорабъ*. Войною было воспитано Персидское племя, еще въ древности. Ничего на землѣ не хотѣлъ обожать язычникъ Персъ: солнцу и звѣздамъ поклонялся онъ, потому что ихъ завоевать не могъ. Въ непрерывныхъ войнахъ Ирана съ Тураномъ могли возникнуть эти два дивные образа воинственной силы, Рустемъ и Зорабъ: одинъ порожденiе другаго. Кровожадная война, ослѣпляющая злобу людей, какимъ-то умысломъ судьбы, вызываетъ отца съ сыномъ на три упорныхъ единоборства. Любуются съ неба звѣзды цвѣтущей красотой Зораба и, соткавши ликъ его изъ блеска и паровъ небесныхъ, посылаютъ его въ сонномъ видѣнiи къ нѣжно-любящей матери. А между тѣмъ, ослѣпленный войною, отецъ не чувствуетъ родной крови въ дерзкомъ соперникѣ. Законы чести и правды нарушаетъ онъ для того только, чтобы, поразивъ его, не посрамить своей устарѣлой силы. Какъ жаба въ бѣлыя розы, впиивается кинжалъ отца въ цвѣтущее тѣло сына — и то, что святѣйшимъ союзомъ связала природа, разорвано мечемъ войны, — и вопль надъ этимъ ужасомъ поднимаетъ поэзія устами Фирдуси, и чудомъ слова своего возноситъ его отъ земли къ небу.

Фантазія неутомимаго поэта, носясь по всѣмъ народамъ и эпохамъ міра, болѣе и болѣе расширяла кругъ своихъ владѣнiй; а Русскiй языкъ, дивно покоряясь труду и зрѣлой мысли, съ какой-то волшебною быстротой, завоевывалъ для нашей Словесности произведенiя всемирной. И вотъ, на самомъ закатѣ жизни, захотѣлось поэту «повеселить душу первобытною поэзіей», которая, по словамъ его, «такъ свѣтла и тиха, такъ животворить и покоить,» — и муза Жуковского, по долгомъ странствiи, сладко приотилась у самой Грече-

ской колыбели Европейской поэзіи. Изъ двухъ эпопей Гомеровыхъ, не блистательная, не шумная оружіемъ и славою, *Иліада* привлекла его, но скромная и разумная *Одиссея*, плодъ зрѣлой опытности поэта, повѣсть страданій возможныхъ для древняго челоуѣка, зеркало его внутренней домашней жизни, взглядъ премудро углубленный въ прошедшее, картина подвига, возстановившаго потрясенныя древнія связи семьи и отечества, подвига, поучительнаго для народовъ, во все вѣка неодолимаго стремленія ихъ по потоку времени. Мраморнымъ гробомъ своимъ называлъ Жуковский этотъ трудъ, когда къ нему еще готовился.⁷⁶

Докончивъ *Одиссею*, поэтъ намѣревался въ послѣдней, уже самобытной пѣсни своей, коснуться прямо того священнаго источника, откуда онъ черпалъ силу для своей жизни, но котораго боялся коснуться, какъ поэтъ, считая святыню его слишкомъ неприкосновенною для вдохновенія земной челоуѣческой пѣсни.⁷⁷ Провидѣніе не судило ему докончить ее здѣсь. Конечно, скоро тайна послѣднихъ трудовъ его будетъ вскрыта — и мы узнаемъ, на какой глубокой думѣ прерваны были дни этой неутомимой жизни, служившей такъ чисто красотѣ Русскаго слова.

Между тѣмъ какъ носясь во всемірной сферѣ своей, поэзія болѣе и болѣе удаляла Жуковскаго отъ міра современнаго къ эпохамъ самымъ отдаленнымъ, Русская словесность продолжала слѣдовать неуклонно своему историческому движенію. Говоря о заслугахъ Жуковскаго отечеству, какъ же не упомянуть о той, что онъ словомъ своимъ образовалъ намъ въ Пушкинѣ художника? Связи, соединявшія ученика съ учителемъ, принадлежать къ тѣмъ нравственнымъ чертамъ нашей словесности, которыми не можемъ не любоваться, какъ нашимъ народнымъ достояніемъ. Въ чистомъ порывѣ благодарнаго восторга, такъ обозначилъ Пушкинъ свою первую, достопамятную встречу съ Жуковскимъ:

Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?

Жуковский, прочитавъ Руслана и Людмилу, послалъ къ Пушкину портретъ свой съ этою надписью, которая принадлежить также къ свѣтлымъ подвигамъ души его: *«Побѣдителю ученику отъ побѣжденного учителя»*. А Пушкинъ отъ лица молодости, ему современной, подписалъ подъ этимъ портретомъ стихи, которые Жуковскому повторить, конечно, молодость и всѣхъ поколѣній:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль ,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славъ младость ,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

Пушкину, послѣ Крылова, но въ обширнѣйшей сферѣ чѣмъ онъ, суждено было раскрыть въ поэзіи Русской другую мысль, завѣщанную также Карамзинымъ, мысль народную. Жуковский сознавалъ это назначеніе въ своемъ преемникѣ, — и въ горестномъ разсказѣ объ его кончинѣ, самъ великодушно уступилъ ему названіе «любимаго, національнаго поэта Россіи», и выразилъ всеобщую скорбь народной утраты такими словами: «У кого изъ Русскихъ съ его смертію не оторвалось чего-то роднаго отъ сердца?» — Но если Пушкину и достался счастливый удѣлъ облечь красоту поэзіи въ образъ самый народный, то замѣтимъ, что этотъ подвигъ могъ совершить онъ только на той всемірной почвѣ, которая была заготовлена Жуковскимъ. Вотъ почему, народная по духу, поэзія Пушкина не явилась въ формѣ ограниченной, а связалась крѣпкимъ сочувствіемъ со всякою народною поэзіею міра.

Между тѣмъ *очарованіе*, подъ вліяніемъ котораго Жуковский сначала смотрѣлъ на жизнь и на красоту души чело-вѣка, какъ возрѣніе само въ себѣ ограниченное, вызвало свое противодѣйствіе, *разочарованіе*; за нимъ же слѣдомъ пришло и *безочарованіе*, которое особенно въ современной литературѣ тяготило душу поэта, и которому онъ же самъ далъ имя и первый поводъ. Такъ исполнялся законъ всякой ограниченности человѣческой — и любимыя мечты очарованнаго поэта, какъ облака, разлетались по вѣтру новыхъ вну-

шеній, не стирая однако ненарушимой, чистой красоты того неба, по которому они носились.

Но мысль Жуковского, открывшая поэтамъ Русскимъ міръ души человѣческой, продолжала свое дѣло. Пушкинъ, подъ ея вліяніемъ, спускался въ тайники души Русскаго чловѣка. Гоголь представляетъ другой плодъ того же движенія. Съ перваго раза показаться можетъ, что нѣтъ двухъ поэтовъ, которые были бы такъ противоположны другъ другу, какъ Жуковский и Гоголь. Одинъ, весь очарованный, влечетъ насъ съ восторгомъ въ міръ идеаловъ души человѣческой, сзывая ихъ отовсюду; другой испытующимъ взглядомъ озираетъ окружающую дѣйствительность и замѣчаетъ ничтожность многихъ ея явленій. Одинъ лелѣетъ слухъ нашъ чудными звуками, въ которыхъ воплощенъ его волшебный міръ; другой въ прозѣ переноситъ намъ рѣчи живыхъ людей, обдающія насъ неразуміемъ ихъ жизни. Не смотря на эту наружную противоположность, Гоголь вмѣстѣ съ Жуковскимъ вѣрилъ въ идеалъ души человѣческой; но рано—анализомъ побѣдилъ очарованіе, рано поражался въ жизни тѣмъ безобразіемъ страстей, которыя въ насъ мрачатъ красоту душъ. «Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть, говоритъ онъ въ повѣсти своего авторства, замѣчать за чловѣкомъ, ловить душу его въ малѣйшихъ чертахъ и движеніяхъ, которыя пропускаются другими людьми.» Когда онъ болѣе созрѣлъ силами, «чловѣкъ и душа чловѣка сдѣлались болѣе чѣмъ когда либо предметомъ его наблюденій.» Задумчивый и печальный въ жизни, вѣроятно, отъ того, что сильнѣе другихъ внутренно скорбѣлъ о ея безобразіи, Гоголь, по особенному дару, добрымъ и яркимъ смѣхомъ озарялъ для насъ все, чтò было въ ней ничтожнаго, потому что самъ сознавалъ крѣпко всю возможность ея красоты и величія.

Вотъ чтò роднило его съ Жуковскимъ. Оба, разными путями, одинъ путемъ очарованія, другой путемъ анализа, пришли «къ Тому, который одинъ полный вѣдатель души.»⁷⁸ Оба, въ единомысліи ума и сердца, повергались равно передъ источникомъ живой Истины. Вотъ гдѣ разгадка тому, какъ глубоко они понимали и любили другъ друга, осо-

бенно въ послѣдніе годы ихъ жизни. Постоянно стремившись мыслію изъ чужбины въ отечество и все надѣявшись сойтись *всплмъ* подъ отечественнымъ небомъ, вотъ что писалъ Жуковскій къ Гоголю, узнавъ о возвращеніи его изъ Іерусалима: «Въ то время, какъ я полагалъ, что вкругъ тебя шумитъ возмущившійся Неаполь, ты спокойно стоялъ у Гроба Господня и, смотря на него, глубже понималъ и значеніе человѣческихъ тревогъ на землѣ и тайну небеснаго мира души человѣческой... Я надѣюсь, если на то воля Божія, увидѣться съ тобою въ Россіи въ концѣ нынѣшняго года (1848): если Богъ дастъ жизни, то мы можемъ еще, *рука въ руку, пройти по одной дорогѣ, имѣя передъ глазами цѣль высокую и святую для пользы души нашей, а съ нею и для пользы нашего отечества.*»

Когда вдругъ, однимъ разомъ, озираешь весь этотъ воздушный міръ разнообразныхъ созданий, отовсюду присвоенныхъ Русской поэзіи геніемъ чистой красоты, — невольно приходитъ на память его же образъ, въ которомъ Жуковскій, уже навечеръ дней, представилъ свое минувшее:

Часто на краю

Небесъ, когда ужъ солнце село, видимъ
Мы облака; изъ за пурпурныхъ ярко
Выглядываютъ золотыя, свѣтлыя
Вершинамъ горъ подобныя; и видитъ
Воображеніе тамъ какъ будто область
Инаго міра. Такъ теперь созданьемъ
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежитъ вдали минувшее мое...⁷⁹

Въ самомъ дѣлѣ, какъ облачный міръ надъ землею, такъ надъ міромъ дѣйствительнымъ носится, вся въ лучахъ, идеальная поэзія Жуковского. Вглядываясь въ эти облака, вы узнаете въ нихъ безтѣлесныя видѣнія, образы милые и знакомые сердцу: вотъ несутся четой Людмила и Свѣтлана; тамъ сіяетъ Вадимъ въ хорѣ пробужденныхъ дѣвъ; тамъ Пѣвецъ озаренъ луной надъ спящимъ полемъ смерти и брани; плыветъ Ательстанъ въ своемъ челнокѣ, влекомый бѣлоснѣж-

нымъ лебедемъ; жметъ руку на вѣчное прощанье Алина Альсиму; летаютъ сліянные двѣ тѣни Минваны и Арминія вокругъ Эоловой арфы; влачить свою тоску Аббадона по безднамъ созданія; торжественно, подъ радугой небесъ, умираетъ Юанна со знаменемъ въ рукѣ; Пери несетъ Ангелу горсть слезъ, пролитыхъ разбойникомъ; Шильонскій узникъ, въ тюрьмѣ, прислушивается къ послѣдному вздоху младшаго брата; Камозенъ умираетъ передъ вдохновеннымъ юношей, съ именемъ Бога и поэзіи на устахъ; Ундина со страхомъ, въ поцѣлуѣ любви, принимаетъ безсмертную душу; Наль и Дамаинти празднуютъ торжество вѣрности, подъ дождемъ цвѣтовъ; тамъ звѣзды несутъ прекрасный ликъ цвѣтущаго Зораба къ спящей матери; подмъ, отчаянный Рустемъ стоитъ надъ трупомъ сына; вотъ еще рисуются пластически дивныя лики Одиссея, Пенелопы, Телемака, Навзикаи; тутъ Царско-сельскій Лебедь своею послѣднею пѣснью и взмахомъ крылъ скликаетъ стадо молодыхъ лебедей на свое торжественное отшествіе, — и сколько, сколько другихъ прекрасныхъ видѣній, которыя созвала во едино мысль поэта, и не знаешь, что въ нихъ милѣе, что краше, что сильнѣй говорить сердцу.

Но вотъ, въ то самое время, какъ мы увлечены этими воздушными образами и забыли обо всемъ дѣйствительномъ, насъ будятъ отъ волшебнаго сна и возвращаютъ землѣ вопросы современнаго вѣка, назвавшаго себя положительнымъ: къ чему же весь этотъ вашъ очарованный міръ? что намъ въ его прекрасныхъ призракахъ, при нашемъ положительномъ стремленіи? какая въ нихъ правда и существенность?

Не во гнѣвъ вопросителю, мы скажемъ, что въ этомъ очарованномъ мірѣ, кромѣ искусства, для насъ двѣ правды, двѣ существенности, которыхъ онъ у насъ не отниметъ. Первая правда и существенность—свѣтлая, благородная, возвышенная, озаренная гениемъ чистой красоты, душа роднаго намъ поэта; она всегда живетъ для насъ видимо въ этихъ образахъ; въ нихъ она всегда съ нами, какъ наше Русское, наше народное сокровище, наша слава, наша красота.

Вторая въ нихъ правда и существенность, на которую также не посягнетъ положительность вѣка, нашъ Русскій языкъ,

этотъ Божій даръ народу, особенно прекрасный въ счастли-
выхъ пѣвцахъ его, языкъ, облекшій въ звуки дивнаго слова
весь этотъ волшебный міръ. Черпая глубоко изъ двухъ его
источниковъ: Славяно-церковнаго и народнаго, и чувствомъ
красоты приводя ихъ въ такое согласіе, какого до тѣхъ поръ
въ Русскомъ стихѣ они не знали, Жуковскій нашелъ въ языкѣ
нашемъ самую разнообразную силу и красоту для всѣхъ неу-
ловимыхъ оттѣнковъ міра душевнаго, для неистощимыхъ
движеній и вздоховъ любви, для скорби и радости, для пѣ-
сенъ брани и мира, страданія и торжества, тревоги и покоя,
для думъ и чувствъ челоуѣка по всѣмъ возрастамъ, для
поэзіи всѣхъ народовъ міра, для воплей Дамаянти, для трехъ
громозвучныхъ боевъ Рустема и Зораба, для пѣсенъ старика
Гомера, которымъ почти 3,000 лѣтъ.

Пока будетъ гремѣть на землѣ наше прекрасное родное
слово, никогда не погибнуть въ немъ безсмертной красотѣ
поэзіи Жуковскаго—и конечно, мои соотечественники, въ эту
минуту какъ и всегда, повторятъ за мною въ душѣ слова
благодарности, въ память Поэту, которыя онъ же намъ
оставилъ:

Благодарю тебя,
За все, чѣмъ былъ ты для моей души!
И здѣсь со мной тебя благодарятъ
Всѣ современники, и всѣхъ временъ
Грядущихъ вѣрные друзья святыни,
Поклонники великаго, твои
По чувству братья.⁸⁰

ПРИМѢЧАНІЯ.

(1) См. «Послѣдніе дни жизни Жуковскаго», письмо изъ Стутгардта отъ $\frac{17}{9}$ Апрѣля 1852, Священника Іоанна Базарова, напечатанное въ Апрѣльской книжкѣ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1852 года и «Послѣднее время жизни и кончина В. А. Жуковскаго», статью напеч. въ 65 № Московскихъ Вѣдомостей. В. А. Жуковскій скончался въ $1\frac{1}{2}$ часу по полуночи на субботу $\frac{12}{4}$ Апрѣля.

(2) Пс. 89. ст. 10. — «Дніе лѣтъ нашихъ въ нихже семьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ, осьмьдесятъ лѣтъ.» Замѣчательно, что, по смерти Жуковскаго возникъ такой же вопросъ о годѣ его рожденія, какой не такъ давно еще предложенъ былъ относительно Карамзина. Біографы Жуковскаго предлагаютъ три различные года: 1782, 1783, 1784. Но всѣ недоумѣнія разрѣшаются собственноручной запиской Жуковскаго, которая была доставлена мнѣ А. И. Кошелевымъ. Этою запискою въ 1851 году Поэтъ приглашалъ въ Баденъ-Баденъ любезнаго ему гостя въ день своего рожденія. Вотъ слова изъ нея, относящіяся къ вопросу, насъ занимающему: «За 68 лѣтъ передъ симъ, то есть въ 1783 году Генваря 29, случилось, что я родился. Нынче я праздную этотъ день съ моими родными. Прошу васъ у насъ отобѣдать и быть за моимъ семейнымъ столомъ представителемъ Россіи.» 1783 годъ всегда обозначаемъ былъ годомъ рожденія Жуковскаго еще при жизни его, такъ напр. въ Исторіи Русской Словесности Греча, и Жуковскій не протестовалъ противъ него. И такъ Поэтъ скончался 69 лѣтъ и двухъ съ половиною мѣсяцевъ.

(3) Всѣ слова, означенныя вносными знаками, взяты изъ писемъ Жуковскаго къ Гоголю. Вотъ еще нѣкоторыя изъ нихъ подробности. $\frac{20 \text{ Января}}{1 \text{ Февраля}}$ 1850. Между тѣмъ беретъ меня подъ чашъ

охота побесѣдовать съ моею старушкою музою; хотѣлось бы пропѣть мою лебединую пѣснь, хотѣлось бы написать моего Странствующаго Жиды; но это могу сдѣлать только урывками. Теперь главный мой трудъ педагогическій. Знаешь ли, что ты можешь помочь мнѣ весьма значительно въ этомъ поэтическомъ предпріятіи? Планъ Странствующаго Жиды тебѣ извѣстенъ; я тебѣ его рассказывалъ и даже читалъ начало, состоящее не болѣе, какъ изъ двадцати стиховъ. Что же ты тутъ можешь сдѣлать съ своей стороны? А вотъ что. Мнѣ нужны локальныя краски Палестины. Ты ее видѣлъ, видѣлъ глазами Христианина и поэта. Передай мнѣ свои видѣнія; опиши мнѣ просто (какъ путешественникъ, возвратившійся къ своимъ домашнимъ и имъ рассказывающій что гдѣ съ нимъ было) то, что ты видѣлъ въ Святой землѣ; я бы желалъ имѣть предъ глазами живописную сторону Іерусалима, долины Іосафатовой, Элеонской горы, Вифлеэма, Мертваго моря, Пустыни искушенія, Оавора, Кармила, степи, Тиверіадскаго озера, долины Іорданской—все это вѣроятно ты видѣлъ; набросай мнѣ нѣсколько живыхъ картинъ безъ всякаго плана, какъ вспомнится, какъ напишется; мнѣ это будетъ несказанно полезно и даже вдохновительно для моей поэмы: я увѣренъ, что къ собственнымъ моимъ мыслямъ прибавится много новыхъ, которыя выскочатъ какъ искры отъ удара моей фантазіи объ твою.» — $\frac{1}{18}$ Февраля 1851. Бадень. «Милой Гоголекъ, вотъ ужъ моя очередь предъ тобою виниться; на твое большое письмо я отвѣчалъ печатнымъ, а на твое письмо объ Палестинѣ, совсѣмъ не отвѣчалъ; оно чрезвычайно оригинально и интересно, хотя въ немъ одно такъ сказать негативное изображеніе того, что ты видѣлъ въ землѣ обѣтованной. Но все придетъ въ свой порядокъ въ воспоминаніи. То что не далось въ *настоящемъ*, можетъ сторицею дасться въ *прошедшемъ*. И со временемъ твои воспоминанія о Святой землѣ будутъ для тебя живѣе твоего тамъ присутствія....»

(4) Изъ того же письма: «Я же теперь работаю много, но мои теперешнія работы всѣ ограничиваются педагогикой, т. е. приготовленіемъ къ предварительному курсу ученія дѣтей моихъ; эта работа беретъ все мое время и не позволяетъ мнѣ ни за что другое пріятаться. Если бы ея не было, то я перевелъ бы всю

Иліаду; полторы пѣсни переведены (каталогъ кораблей сбросилъ съ плечъ: это самое трудное), все пошло бы по моему; но трудъ по службѣ, т. е. по домашнему министерству просвѣщенія, долженъ быть впереди; надѣюсь, что Иліада отъ меня не уйдетъ: великое было бы дѣло оставить по себѣ въ наслѣдство отечеству полнаго Гомера. Объ этомъ однако прошу тебя не говорить. Хотѣлось бы и Вѣчнаго Жида успокоить; этотъ трудъ можетъ быть результатомъ теперешнихъ трудовъ моихъ.»

(5) Изъ письма Священника отца Іоанна: «Я бы желалъ, чтобы вы знали и мою методу ученія по таблицамъ. Я испробовалъ ее надъ дѣтьми моими. Воображеніе ихъ такъ сильно было приковано къ событію, что они плакали, когда я рассказывалъ имъ послѣднюю вечерю Господа, Его Геосиманскую молитву.» Послѣднія шесть стихотвореній посвящены его дѣтямъ: Павлу Васильевичу и Александрѣ Васильевичу Жуковскимъ, изъ которыхъ П. В. родился 1-го Января 1845 года и окрещенъ 29-го Января, въ день рожденія отца своего, какъ это видно изъ писемъ Василія Андреевича къ Александру Яковлевичу Булгакову.

(6) Стихотворенія Жуковского 1849. Т. 2, стран. 58.

(7) Москвитянинъ. 1852. № 20. Дань памяти Жуковского и Гоголя, А. С. Стурдзы.

(8) О поэтѣ и современномъ его значеніи. Письмо къ Н. В. Гоголю, напечатанное въ Москвитянинѣ 1848 года, № 4.

(9) Первое сочиненіе Жуковского, напечатанное въ XVI ч. Приятнаго и полезнаго препровожденія времени, было въ прозѣ: *Мысли при гробницѣ*. Оно издано въ 1797 году, когда автору было 14 лѣтъ. Въ 1845 году это занимало покойнаго. Онъ помнилъ, гдѣ первое его сочиненіе было напечатано, но не зналъ, въ 1797 или 1798 году, и запоминать имя, называя его *Мысли на кладбищѣ*. Онъ просилъ А. Я. Булгакова навести о томъ справку—и недоумѣніе его разрѣшено было Профессоромъ И. И. Давыдовымъ. Въ томъ же изданіи напечатаны многія стихотворенія Жуковского, въ которыхъ онъ подражалъ Державину. Извѣстность же его литературная начинается съ тѣхъ поръ, какъ Карамзинъ, въ 1802 году, напечаталъ въ Декабрской книжкѣ Вѣстника Европы переводъ Греевой Элегіи:

Сельское кладбище, посвященной Жуковскимъ другу его, Андрею Ивановичу Тургеневу.

(10) Вотъ остальные строфы этого стихотворенія, которое никогда не было напечатано и сообщеніемъ котораго я обязанъ Авдотѣ Петровнѣ Елагиной:

Ты помнишь ли, какъ подъ горою
Осеребренный росой,
Свѣтился лугъ вечернею порою
И тишина слетала въ лѣсъ
Съ небесъ?

*

Ты помнишь ли нашъ прудъ спокойной,
И тѣнь отъ ивъ въ часъ полдня знойной,
И надъ водой отъ стада гуль нестройной,
И въ лонѣ водъ какъ сквозь стекло,
Село?

*

Тамъ на зарѣ пичужка пѣла;
Даль озарялась и свѣтѣла;
Туда, туда душа моя летѣла:
Казалось сердцу и очамъ
Все тамъ!

Стихотвореніе написано въ подражаніе романсу Шатобріана въ повѣсти его: *Послѣдній Абенсерагъ*; но многое измѣнено, и подробности сняты съ села Мишенскаго. — Въ отрывкѣ изъ письма о Саксоніи (Дрезденъ, 1821), напечатанномъ въ № 6 Московскаго Телеграфа 1827 года, Жуковскій такъ сравнивалъ окрестности Дрездена съ окрестностями своего роднаго Бѣлева: «Дрезденъ, за которымъ садилось солнце, темно отдѣлился отъ дождливаго горизонта, и за нимъ, какъ за тонкою дымкою, свѣтилось невидимое солнце; отдаленіе покрыто было свѣтомъ и тѣнью, и въ этой картинѣ что-то было знакомое, и въ самомъ дѣлѣ знакомое! Это былъ точно Бѣлевскій видъ съ пригорка, противъ моего большаго дома (разумѣется, съ бѣльшимъ разнообразіемъ). Эльба, которая здѣсь немного шире нашей Оки, также точно извивалась подъ горою; въ правой сторонѣ го-

родъ, вдали на горѣ Рекницѣ, похожій на Темрянь; за рѣкою обширный лугъ съ дорогами. Одна изъ нихъ, Пильницкая, по берегу Эльбы, какъ Московская по берегу Оки; другая на Рекницѣ, какъ Тульская; даже влѣвъ, подъ горою домъ, точно напоминавшій Дураковскую церковь; самое отдаленіе, не смотря на то, что снѣжись на немъ живописныя горы Саксонской Швейцаріи, имѣло что-то похожее на рощи, окружающія Жебынскую пустынь; однимъ словомъ, съ помощію воображенія, можно было довольно живо видѣть вмѣсто Дрездена милую свою родину....

И много милыхъ тѣней встало....

(11) Всѣ подробности заимствованы изъ Воспоминанія о В. А. Жуковскомъ, напечатаннаго въ 18 № Москвитянина 1852 года.

(12) Напечатана въ XVII Части Приятнаго и полезнаго препровожденія времени, изданной въ 1798 году. Ода написана въ Мишенскомъ. Она была очень памятна въ семействѣ Жуковского.

(13) Описаніе пансіонскаго Акта 1798 года напечатано въ Москвитянинѣ 1847 года.

(14) Стихотвореніе Жуковского: Могущество, слава и благоденствіе Россіи, 1800 года.

На тронъ свѣтломъ, лучезарномъ,
Что полвселенной на столпахъ
Взнесенъ, незбылемо поставленъ,
Россія въ славѣ возсѣдитъ.
Златый шеломъ, огнепернатый
Блится на главѣ ея;
Вѣнецъ лавровый осыпаетъ
Ея высокое чело;
Лежитъ на шуйцѣ щитъ алмазный;
Разширивши крылъ свои,
У ногъ ея Орелъ Полночный
Почіеть; — громъ его молчитъ.

Далѣ Россія говоритъ:

«Отъ всѣхъ вселенныя предѣловъ
Плывутъ съ богатствомъ корабли,

И пристаней моих достигнувъ ,
Тягчать сокровищами брегъ;
Богатой Албiонъ приносить
Своихъ избытковъ лучшу часть.

*

Волнисту шерсть и шелкъ тончайшій
Несетъ съ Востока *Оттоманъ*;
Арабъ коней приводитъ быстрыхъ,
Въ своихъ степяхъ ихъ укротивъ;
Китай фарфоръ и мускъ приносить;
Моголецъ шлетъ алмазъ, рубинъ;
Еменъ даритъ свой кофе вкусный;
Какъ горы по полямъ, идутъ
Верблюды съ *Перскими* коврами:
Отъ всѣхъ земли предѣловъ, странъ,
Народы мнѣ приносятъ дани;
Цари сокровища мнѣ шлютъ.

(15) Тамъ же:

И се градеть къ намъ *новый влкъ*!

Въ другомъ стихотвореніи: *Миръ*, которое было читано въ Декабрѣ 1800 года на публичномъ Актѣ Пансіона, Жуковский говоритъ:

Но стой, Россѣ! опочій — се *новый влкъ* градеть!

*

Возьми сей миртъ, возьми, и снова будь героемъ, —
Героемъ въ тишинѣ, не въ кроволитномъ боѣ.
Будь міра гражданинъ, вѣнецъ лавровый свой
Омой сердечною, чувствительной слезой,
Тобою падшимъ посвященной!

Вотъ послѣдняя строфа:

На персяхъ тишины, въ спокойствіи блаженномъ,
Цвѣти, съ народами земными примиренный,
Цвѣти, великій Россѣ! лишь злобу поражай,
Лишь страсти буйныя, строптивы побѣждай,
И будь во брани — только съ ними.

(16) Въ Декабрской книжкѣ Вѣстника Европы 1803 года

печатающаго начало повѣсти Жуковскаго: Вадимъ Новгородскій, Карамзинъ такъ рекомендовалъ его публикѣ въ примѣчаніи: «Молодой Авторъ этой піесы и мой пріятель, Г. Жуковскій, извѣстенъ читателямъ *Вѣстника* по Греевой Элегіи, имъ переведенной».

(17) «Законы этого дружескаго литературнаго общества» были подписаны 1801 года Января 12-го дня, въ день основанія Университета. Оно отличалось отъ Собранія Воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, которое было также основано Жуковскимъ. Участниками новаго общества были: М. Кайсаровъ, В. Жуковскій, Андрей Тургеневъ, Александръ Воейковъ, Александръ Тургеневъ, Семенъ Родзянка, А. Мерзляковъ, А. Кайсаровъ, А. Офросимовъ. Въ этомъ порядкѣ и такъ точно подписали они имена свои подъ законами. Цѣль общества въ уставѣ его выражена такъ: «Мы всѣ такъ высоко цѣнимъ лестный талантъ, трогать и убѣждать другихъ словесностію; мы всѣ удивляемся тѣмъ великимъ умамъ, которые въ безсмертныхъ своихъ сочиненіяхъ заронили какую-то божественную искру, могущую возжечь въ сердцахъ позднѣйшаго потомства любовь къ добродѣтели и истинѣ, которымъ служить есть единственная и главнѣйшая наша обязанность; мы всѣ льстимся найти и образовать въ себѣ этотъ безцѣнный талантъ.—Да будетъ же сіе образованіе, въ честь и славу Добродѣтели и Истины, цѣлію всѣхъ нашихъ упражненій».

(18) Эти сѣтованія Жуковскаго о покойномъ другѣ его Андреѣ Ивановичѣ Тургеневѣ находятся во вступленіи въ повѣсть его: Вадимъ Новгородскій.

(19) Стихи изъ Посланія къ Филалету. (Т. I. нов. изд., стран. 43):

Нѣтъ! счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ —
И что же!.... предо мной увядшаго могила;
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила.
Любовь.... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ....

Напечатано въ первый разъ въ Февральской книжкѣ *Вѣстника* Европы 1809 года, а написано въ 1807 году.

(20) Т. V. стран. 147.

Бывали дни восторженных видений;
Моя душа поэзией цвѣла;
Ко мнѣ летать съ вѣстями чудный Геній;
Природа вся мнѣ пѣснью была.

(21) Тогда переведена была повѣсть Коцебу, названная переводчикомъ: *Мальчикъ у ручья*, потому что начинается такъ: Вильгельмъ сидѣлъ у ручья подѣ березою. Она напечатана въ первый разъ въ 1801 году съ эпиграфомъ изъ посланія Карамзина къ Дмитріеву, а въ другой разъ въ 1819 году.

(22) а. Вѣстникъ Европы 1809 года. Часть IV. стран. 283.

(22) б. Здѣсь произведенія Жуковского идутъ у меня въ томъ порядкѣ, какъ онѣ обозначены имъ же самимъ въ послѣднемъ изданіи его сочиненій. Двѣнадцать спящихъ дѣвъ здѣсь стоятъ подѣ 1810 годомъ, а стали извѣстны въ первый разъ въ Вѣстникѣ Европы въ 1811 году, и отдѣльно напечатаны въ 1817 году. Считаю за нужное прибавить, что въ семейныхъ преданіяхъ осталось воспоминаніе, что Громобой и Вадимъ написаны послѣ 1812 года.

(23) День отѣзда Жуковского изъ дому извѣстенъ въ семейныхъ преданіяхъ; день вступленія въ Московское ополченіе изъ его послужнаго списка.

(24) Т. IV. стран. 118.

(25) Такъ выставлено было на этомъ стихотвореніи, напечатанномъ во второй разъ Января 28-го, 1813 года.

(26) Подробности о возвращеніи Жуковского изъ похода на родину извѣстны изъ семейныхъ преданій.

(27) Эти отрывки извлечены изъ писемъ Жуковского къ А. П. Елагиной, относящихся къ 1815 году.

(28) Изъ Посланія къ Кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину. Т. 2, стран. 82.

(29) Драгоцѣнныя подробности о первомъ представленіи Жуковского Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и нынѣ благословенно царствующему Государю Императору черезъ Графа С. С. Уварова, равно и подробности о вечерахъ въ Павловскомъ, на которыхъ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій и самъ Поэтъ

имѣли счастье въ кабинетѣ Ея Величества читать Пѣвца, Послание къ Государынѣ, Свѣтлану, Эолову арѣу, Старушку, Ивика, Людмилу, переданы самимъ Жуковскимъ въ письмахъ его къ близкимъ его сердцу. Желательно очень, чтобы всѣ эти подробности со временемъ явились въ свѣтъ. Здѣсь сохранены вѣрно самимъ Поэтомъ черты, украшающія нашъ славный Царскій Домъ.

(30) Т. VII. стран. 50. Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ. Писано въ 1808 году.

(31) Весь этотъ отрывокъ извлеченъ изъ письма, писаннаго Жуковскимъ къ Александру Яковлевичу Булгакову въ 1846 году, ^{Мая 21}_{Юня 2.}

(32) Наль и Дамаянти. Посвященіе. Т. V. стран. 347.

(33) Вождю побѣдителей. Т. I. стран. 304.

(34) Это письмо писано Жуковскимъ къ Гоголю ^{20 Февраля}_{4 Марта} 1847 года, по смерти сестры супруги его, Г-жи Миі Рейтернъ.

(35) Это строгое ограниченіе воли своей опредѣленными въ извѣстное время занятіями особенно ясно изъ одного письменнаго отрывка, сообщеннаго мнѣ А. П. Елагиной. Онъ относится къ годамъ еще деревенской жизни Жуковского. Передаю всю эту драгоцѣнность вполнѣ.

§ 1. Читать стихотворцевъ не cadaго особенно, но всѣхъ одинакаго рода вмѣстѣ; частный характеръ cadaго сдѣлается ошутительнѣе отъ сравненія. Напримѣръ Шиллера какъ стихотворца въ родѣ балладъ, читать вмѣстѣ съ Бюргеромъ; какъ стихотворца философическаго вмѣстѣ съ Гёте и другими; какъ трагика вмѣстѣ съ Шекспиромъ; чтеніе Расиновыхъ трагедій перемежать съ чтеніемъ Вольтеровыхъ, Корнелевыхъ и Кребилъоновыхъ. Эпическихъ поэтовъ перечитать cadaго особенно, потомъ вмѣстѣ тѣ мѣста, въ которыхъ каждый могъ имѣть одинъ съ другимъ общее: дабы узнать образъ представленія cadaго. Сатиры Буало съ Гораціевыми, Ювеналовыми, Поповыми, Рабелеровыми и Кантемировыми. Оды Рамлеровы, Гораціевы съ Державина, Ж. Батиста и прочихъ. Или не лучше ли читать поэтовъ въ порядкѣ хронологическомъ, дабы это чтеніе шло наравнѣ съ Исторіею и Исторія объясняла бы самый духъ поэтовъ

и потомъ уже возобновить чтеніе сравнительное. Первое чтеніе было бы философическое, послѣднее эстетическое: изъ обоихъ составила бы идея полная. Надобно распредѣлить лучшихъ поэтовъ, хронологически и потомъ по родамъ поэзіи; послѣ этого распредѣленія назначить порядокъ ихъ чтенія. То же и о прозаикахъ. Между тѣмъ вотъ нѣкоторыя замѣчанія на баллады Бюргера и Шиллера. Бюргеръ въ этомъ родѣ единственный, ибо онъ имѣетъ истинно приличный тонъ избранному имъ роду стихотворенія: ту простоту разсказа, которую долженъ имѣть повѣствователь. Его характеръ: счастливое употребленіе выраженій простонародныхъ и въ описаніяхъ и въ выраженіи чувства; краткость и ясность; приличіе и разнообразіе метровъ. Въ особенности изображаетъ онъ очень счастливо ужасное, то ужасное, которое принадлежитъ къ ужасу, производимому въ насъ предметами мрачными, призраками мрачнаго воображенія; картины свои заимствуетъ онъ изъ таинственной природы *того свѣта*, который не есть идеальный свѣтъ, созданный фантазіею древнихъ поэтовъ, но мрачное владычество суевѣрія. Шиллеръ менѣе простъ и живописенъ; языкъ его не имѣетъ привлекательной простонародности Бюргерова языка; но онъ благороднѣе и пріятнѣе; онъ не представляетъ предметы такъ вѣрно, но онъ украшаетъ ихъ красками блестящими; Бюргеръ дѣйствуетъ на воображеніе, Шиллеръ на фантазію (то же воображеніе, но только такое, которому всѣ предметы представляются сквозь призму поэзіи, слѣдственно не въ собственномъ, а въ нѣкоторомъ заимственномъ образѣ). Вообще Шиллеровъ языкъ ровнѣе, но онъ не такъ живъ, и совершенство цѣлаго повредило нѣсколько разительности частей, тогда какъ въ Бюргерѣ живость есть можетъ быть слѣдствіе свободы, менѣе ограниченной. Въ Бюргерѣ найдешь менѣе картинъ стихотворныхъ нежели въ Шиллерѣ; за то онъ ближе къ простой, обыкновенной природѣ. Шиллеръ болѣе философъ; а Бюргеръ простой повѣствователь, который, занимаясь предметомъ своимъ, не заботится ни о чемъ постороннемъ.

§ 2. Занятія: 1. Исторія. 2. Философія. 3. Изящная Словесность (языки). 4. Сочиненія. Утро. Исторія и сочиненія. Вечеръ. Философія и Литература. — Сначала приговорительныя свѣдѣнія.

Потомъ классики. *Исторія—Географія*. Исторія (Гердеръ, Гаттереръ, Гибнеръ). Вспомогательныя науки. Классики. *Философія*. Предварительныя понятія: о натурѣ, человѣкѣ и Логикѣ. Классики. Теологія и нравственность. *Словесность*. Языки. Грамматика общая и Риторика. Поэты и прозаики. Эстетика.—*Воспитаніе*.

(36) Т. 6. изд. 1836 года, стран. 262.

(37) Т. 2. изд. 1849. стран. 81.

(38) Посланіе къ Батюшкову. Т. 1. 1849. стран. 214.

(39) Камоэнсъ. Т. 5. 1849. стран. 316, 322.

(40) Это вопросъ, о которомъ Гегель говоритъ на второй же страницѣ своей Эстетики, и рѣшаетъ его въ пользу искусства.

(41) Премудрости Соломони. Гл. 13. ст. 5. «Отъ величества бо красоты созданій сравнительно рододѣлатель ихъ познавается.»

(42) Море. Т. IV. стр. 132.

(43) Весеннее чувство. Т. 3. стран. 212.— Въ подкрѣпленіе мыслей моихъ о возрѣніи Жуковского на природу, считаю не лишнимъ привести драгоценный отрывокъ изъ письма его, сообщеннаго мнѣ А. П. Елагиною, въ которомъ онъ объясняетъ происхожденіе стихотворенія своего: *Старицу Эверсу*. Письмо отъ 16 Сентября, 1815 года. «Прощайте, милые друзья. Нынче худо пишется. Шептунъ мой что-то осовѣлъ. Чтобы дополнить вамъ письмо, переписываю мои стихи къ старику Эверсу, написанные дни за два до отъѣзда изъ Дрездена. Надобно вамъ знать, что Эверсъ, осемидесятилѣтній старикъ, есть человѣкъ единственный въ своемъ родѣ — онъ живетъ для добра и со всѣмъ этимъ простота младенца. Онъ профессоръ. На праздникъ студентовъ, на который былъ приглашенъ и я, онъ вздумалъ со мной пить *братство*. Это меня тронуло до глубины души и было очень *кстати* — мой добрый шептунъ принялъ образъ добродѣтельнаго старика и утѣшилъ меня въ этомъ видѣ! Правда, не надолго — но и то минута была не пропадая. Я отъ всей души поцѣловалъ *братскую* руку.»

Стихотвореніе оканчивается сравненіемъ старости Эверса съ заходящимъ солнцемъ. Вотъ объясненіе тому, какъ произошло это сравненіе. «Это такъ случилось. На другой день послѣ студентскаго праздника, отправился я ввечеру съ Воейковымъ и еще съ двумя въ коляскѣ за городъ. Солнце заходило са-

мымъ прекраснымъ образомъ. И я вспомнилъ объ Эверсѣ и объ завѣщаніи Эверса. Я часто любовался этимъ старикомъ, который всякой вечеръ ходилъ на гору смотрѣть на захождение солнца. Заходящее солнце въ присутствіи старика, котораго жизнь была святая, есть что-то величественное, есть самое лучшее зрѣлище на свѣтѣ. Эти стихи должны быть дружкою моего *Теона и Эсхина*. Въ обоихъ много для меня добра.» — Подъ стихами подписано 14 Августа.

(44) Невыразимое. Т. 3. стран. 62.

(45) Полное собраніе сочиненій Ломоносова. Изд. 1803 года. Часть третія стран. 255, въ прибавленіи къ разсужденію: *Явленіе Венеры на солнцѣ, наблюденное Маіа 26 дня 1761 года*.

(46) Стихотвореніе Державина: Истина, строфа третія.

(47) Камоэнсъ. Т. 5. стран. 347. Этихъ стиховъ нѣтъ въ подлинникѣ Гальма, равно какъ и всего того, что у Жуковского говоритъ Камоэнсу юный поэтъ, Васко, выражая свои высокія убѣжденія о назначеніи поэзіи.

(48) Взглядъ на землю съ неба. Т. 7. Сочиненія въ прозѣ Жуковского, стран. 232 и 233.

(49) На кончину Е. В. Королевы Виртембергской. Т. 3. стран. 53.

(50) Камоэнсъ. Т. 5. стран. 321.

(51) Старцу Эверсу. Т. 2. стр. 216. Письма Жуковского къ близкимъ его сердцу живой комментарий къ его поэзіи. Вотъ отрывокъ, который можетъ служить объясненіемъ къ прекрасному стиху, приведенному мною. «Здѣсь у меня нѣтъ *настоящаго*. Но возвратясь къ вамъ, я буду имѣть его. Настоящая минута — вотъ жизнь. Я говорю здѣсь не такъ, какъ Гораций, который велитъ ловить летящій мигъ и посвящать его наслажденію, потому что жизнь скоротечна и за собою ничего не оставляетъ. Нѣтъ! всякую настоящую минуту (если можно) прекрасному: дѣлу, мысли, чувству. Но чтобы безпокойное стремленіе къ будущему, безпокойная надежда на будущее не тащила изъ этого тѣснаго круга: пусть будетъ намъ товарищемъ только такое будущее, которое вѣрно, то есть *не здѣшнее* — мыслить объ немъ, какъ о добромъ другѣ, съ которымъ увидишься непременно, но когда и гдѣ, неизвѣстно.»

(52) Изъ письма къ Гоголю: о поэтѣ и современномъ его значеніи, напечатаннаго въ Москвитянинѣ 1848 года.

(53) Эпиллогъ къ шестому тому Стихотвореній Жуковского, изданныхъ въ 1836 году, стран. 262 и 263.

(54) Письмо отъ $\frac{1}{8}$ Февраля 1847 года.

(55) Сочиненія Карамзина. Т. 7. стран. 246.

(56) Евгений Онѣгинъ Глава VI, строфа 23.

Такъ онъ писалъ *темно и вяло*
(Что романтизмомъ мы зовемъ,
Хоть романтизма тутъ ни мало
Не вижу я; да что намъ въ томъ?).

Глава VII, строфа 55.

Пою *пріятеля младова*
И множество его причудъ.
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкось и вкривъ.
Довольно. Съ плечъ долой обуза!
Я классицизму отдаю честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

Еще можно прибавить ксати стихи о Байроновомъ романтизмѣ.

Глава III, строфа 12.

Лордъ Байронъ прихотью удачной
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежной эгоизмъ.

(57) Понятія современной Германіи объ романтизмѣ можно видѣть изъ брошюры Германа Геттнера, изданной въ 1850 году: *Die Romantische Schule in ihrem inneren Zusammenhange mit Goethe und Schiller.*

(58) Вѣстникъ Европы 1809 года. Ч. 6. стран. 156. Дѣвица Жоржъ въ роляхъ Расиновой Федры. стран. 260. Д. Жоржъ въ Вольтеровой Семирамидѣ.

(59) *The history of English poetry, by Thomas Warton. London. 1840.* Объ минстреляхъ. Т. I. стран. 82 и Т. 3. стран. 251. *Shakspeare and his times, by Nathan Drake. Paris. 1838.* стран.

272. О балладахъ. Warton. Т. 2. стр. 313. Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands, par Aug. Thierry. Paris. 1830. Т. II. 403 и 425 стран. Т. III. 377 стран. Т. IV. 402 и 409 стран. Shakspeare and his times. 279 и 283.

(60) Gervinus. Geschichte der poetischen National-Literatur. 1838. Т. 3. стран. 72.

(61) Въ 1819 году вышелъ въ Орлѣ переводъ Шписова романа: Двѣнадцать спящихъ дѣвъ. Переводчикъ въ предисловіи объявляетъ, что онъ вызванъ былъ на этотъ переводъ прекрасною балладою Жуковского. Замѣчу, что переводами Шписовыхъ, равно и другихъ Нѣмецкихъ романовъ, много занимался у насъ В. П. Поляковъ, товарищъ Жуковского по Университетскому Пансіону. Чтобы видѣть на дѣлѣ, какъ Жуковский смягчалъ грубость средневѣковыхъ преданій Германіи, стоить прочесть рассказъ о происхожденіи Виллибальда, избавителя дѣвъ, въ концѣ первой части романа (стран. 123—225 перевода).

(62) а. Баллада, Графъ Гансбургскій. Т. 3. стран. 13.

Изъ бездны потокъ выбѣгаетъ:

Такъ пѣснь зараждаетъ души глубина,

И темное чувство, изъ дивнаго сна

При звукахъ воспрянувъ, пылаетъ.

(62) б. Слова изъ Высочайшаго Манифеста 1816 года, Августа 30-го дня.

(63) Слова изъ Высочайшаго Манифеста Сентября 1812 года.

(64) Слова изъ Высочайшаго Приказа Россійскимъ войскамъ, Декабря 1813 года.

(65) Слова оттуда же. См. Собраніе Высочайшихъ манифестовъ, грамотъ, указовъ, рескриптовъ, приказовъ войскамъ и разныхъ извѣщеній, послѣдовавшихъ въ теченіи 1812, 1813, 1814, 1815 и 1816 годовъ. Спб. 1816.

(66) а. The poetical works of Robert Southey. Ode to his Imperial Majesty Alexander the First, Emperor of all the Russias.

(66) б. Шиллеръ родился 11-го Ноября 1759, скончался 9-го Маія 1805; Гёте родился 28-го Августа 1749, скончался 22-го Марта 1832; Байронъ родился 22-го Января 1788, скончался 19-го Апрѣля 1824; В. Скоттъ родился 15-го Августа 1771, скончался 21-го Сентября 1832.

(67) Poetical works of sir Walter Scott. Vol. 6. 1838. Verses, composed for the occasion, adapted to Haydn's air, «God save the Emperor Francis,» and sung by a select band after the dinner given by the Lord Provost of Edinburgh (sir William Arbuthnot) to the Gran-duke NICHOLAS of Russia, and his suite, 19 December, 1816. Вотъ эти достопамятные стихи:

God protect brave Alexander,
Heaven defend the noble Czar,
Mighty Russia's high Commander,
First in Europe's banded war;
For the realms he did deliver
From the tyrant overthrown,
Thou of every good the Giver,
Grant him long to bless his own!
Bless him, 'mid his land's disaster,
For her rights who battled brave,
Of the land of foemen master,
Bless him who their wrongs forgave.
O'er his just resentment victor,
Victor over Europe's foes,
Late and long supreme director,
Grant in peace his reign may close.
Hail! then, hail! illustrious Stranger!
Welcome to our mountain strand;
Mutual interests, hopes, and danger,
Link us with thy native land.
Freemen's force, or false beguiling,
Shall that union ne'er divide,
Hand in hand while peace is smiling,
And in battle side by side.

(68) Schiller's Sturm- und Drangperiode, von Döring. Weimar. 1852.

(69) Goethe's letzte literarische Thätigkeit, Verhältniss zum Ausland und Scheiden, nach den Mittheilungen seiner Freunde dargestellt vor Dr. Karl Wilhelm Müller. Jena. 1832. Здѣсь упоминается о свиданіи Жуковского съ Гёте въ 1827 году; о Русскихъ стихахъ, которые Жуковский написалъ въ честь Гёте подъ его портретомъ, гравированнымъ съ подлинника Дау. Карусъ въ Дрезденѣ сдѣлалъ красками рисунокъ, изображавшій романтическое мѣстоположеніе: на балконѣ стояла арфа, освѣ-

щенная лучами мѣсяца; за нею пустое кресло, на которое наброшенъ былъ богатыми складками плащъ. Ландшафтъ имѣлъ отношеніе къ смерти Байрона. Жуковскій подарилъ эту картину Гёте 5-го Сентября 1827 года и подписалъ подъ нею по-Французски:

Offrande

à celui dont la harpe a créé un monde de prodiges, qui a soulevé le voile mystérieux de la création, qui donne la vie au passé et prophétise l'avenir. Я помню эту картину въ гостинной Гёте, въ 1829 году. Жуковскій, при прощаніи съ Гёте, послалъ ему выраженіе своихъ чувствъ, въ которомъ между прочимъ замѣчательны слова: «О за чѣмъ судьба не дозволила мнѣ встрѣтиться съ тобою на веснѣ жизни! Тогда душа моя зажгла бы ея свѣтильникъ на твоёмъ! Тогда бы совершенно иной чудно-великолѣпный міръ вокругъ меня образовался: и тогда можетъ быть и обо мнѣ бы дошла вѣсть до потомства: онъ былъ поэтомъ!»

(70) Goethe aus näherm persönlichen Umgange dargestellt. Ein nachgelassenes Werk von Johannes Falk. Zweite Auflage. Lpzg. 1836.

(71) Слова Байрона всѣ взяты изъ Letters and journals of Lord Byron: with notices of his life, by Thomas Moore.

(72) Извѣстно, что В. Скоттъ вынужденъ былъ къ этому труду обстоятельствами жизни. Замѣчательны слова, которые сказалъ Гёте въ своемъ Kunst und Alterthum 1827 года, по случаю выхода Жизни Наполеоновой, написанной В. Скоттомъ.

(73) Замѣчательно выраженіе древняго Русскаго мужа, Васіана Архіепископа Ростовскаго, изъ его посланія къ Іоанну III: «Человѣческо бо еже согрѣшати, рекше, падати, и покаяніемъ востати, Ангельское же еже не падати, бѣсовское же еже пасти и невостати и отчаятися.»

(74) Фридрихъ Гальмъ есть псевдонимъ. Подъ этимъ именемъ извѣстенъ въ Германіи Баронъ Мюнхъ-Беллингаузенъ. Послѣдняя сцена между Камоэнсомъ и Васко (у Гальма Пёрець) у Гальма есть только эскизъ того, что вполне развито у Жуковскаго. Слова Васко къ Камоэнсу и послѣднія слова Камоэнса, выражающія высокія убѣжденія самаго поэта, созданы Жуковскимъ. Замѣчательно, что онъ эти самыя слова привелъ въ своемъ письмѣ

къ Гоголю: о *Поэтѣ и современномъ его значеніи*, какъ выраженіе его чистѣйшихъ, жизнию оправданныхъ убѣжденій.

(75) Двѣ повѣсти. Подарокъ на новый годъ издателю Москвитянина. Т. 6. стран. 302.

(76) Это слово слышалъ я самъ изъ устъ Жуковского въ 1839 году, въ Римѣ.

(77) Вотъ какъ Отецъ Іоаннъ намъ передалъ въ извѣстномъ письмѣ своемъ содержаніе Странствующаго Жида. «О «Странствующемъ Жидѣ» я съ любопытствомъ разспрашивалъ у писца, которому Жуковский диктовалъ эту Поэму, и узналъ отъ него, что въ этой Поэмѣ покойный Василій Андреевичъ, взявъ за основаніе извѣстную легенду о *Вѣчномъ Жидѣ*, изобразилъ всю чудную Исторію народа Еврейскаго со времени его отверженія Богомъ до послѣдней судьбы его, открытой въ Апокалипсисѣ. Судя по нѣкоторымъ тирадамъ, которыя писецъ его могъ запомнить, это должно быть чудное произведеніе созрѣвшаго, но никогда не состарѣвшаго генія Жуковского. Можно себѣ представить все величіе картинъ, когда знаешь, что онъ ведетъ своего странника по всѣмъ вѣкамъ, бросаетъ его во всѣ страшные міровые перевороты, въ которыхъ погибали цѣлыя племена и народы, и оставался одинъ только онъ, все съ тою же печатію отверженія на лицѣ, все съ тѣми же неизнашиваемыми одѣянiями на тѣлѣ, все съ тою же грустію въ сердцѣ о неизбѣжномъ мученіи на землѣ. Наконецъ нашъ безсмертный Поэтъ приводитъ его на островъ Патмосъ, гдѣ онъ встрѣчаетъ старца Іоанна, который открываетъ ему послѣднюю судьбу его. По рассказамъ писца, Жуковский писалъ эту часть почти словами Апокалипсиса, перелагая ихъ только въ свой классическій гекзаметръ.»

(78) Этотъ драгоценный автобіографическій отрывокъ, уцѣлѣвшій въ бумагахъ покойнаго Гоголя, огласился въ публикѣ подъ невѣрнымъ названіемъ: *Моя исповѣдь*. На рукописи нѣтъ никакого заглавія, а въ содержаніи Авторъ говоритъ: «я рѣшаюсь чистосердечно и, сколько возможно короче, изложить всю повѣсть моего авторства.» Вотъ то заглавіе, которое можетъ быть дано этой рукописи, согласно мысли самаго Автора.

(79) Изъ Посвященія поэмы: *Наль и Дамаанти*. Т. 5, стран. 350

(80) *Камознсъ*. Т. 5, стран. 319.

Въ заключеніе къ Примѣчаніямъ считаю полезнымъ приложить списокъ произведеній Жуковского, напечатанныхъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, составленный Г. Студентомъ Историко-Филологическаго факультета 4-го курса Тихонравовымъ, отъ дѣятельности котораго я ожидаю весьма добрыхъ плодовъ для Исторіи Русской Словесности.

1797. Мысли при гробницѣ (въ прозѣ). Пріятное и полезное препровожденіе времени. Часть XVI. 1797. стран. 106.
Майское утро (въ стихахъ). Ibid. стран. 286.
1798. Благодарственная рѣчь, произнесенная на актѣ Университетскаго Благороднаго пансіона. См. описаніе акта, перепеч. въ Москвитянинѣ 1847 г. Часть III. стр. 54.
Добродѣтель, стихотвореніе. Пріятное и полезное препровожденіе времени, Часть XVII, стран. 153.
Миръ и война. Ibid. Часть XX. стран. 259.
Жизнь и источникъ, въ прозѣ. Ibid. стран. 280.
1799. Полныя сочиненія Г. Леонарда, собранныя и изданныя Винцентомъ Кампенономъ, въ 3-хъ Томахъ, въ 8-ю долю, Парижъ, 1728 (*Сокращенный переводъ рецензій изъ Spectateur du Nord*). Иппокрена или утѣхи любословія, 1799 г. Часть IV. стран. 81—90 и 97—107.
1800. Могущество, слава и благоденствіе Россіи. Утренняя заря. Труды Воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. Книжка 1. стран. 1. Перепечатано въ Сочиненіяхъ, выбранныхъ изъ Утренней зари. 1809. Т. 1. стран. 27.*
Къ Тибуллу, на прошедшій вѣкъ. Ibid. стран. 16.
Къ Надеждѣ. Ibid. стран. 18.
Мысли на кладбищѣ. Ibid. стран. 68.
Истинный герой. Ibid. стр. 160.
Добродѣтель (*Стихотвореніе*) См. И отдыхъ въ пользу, или собраніе сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ Воспитанниковъ Университ. Благородн. Пансіона. стр. 38.

* Извѣстный библіографъ нашъ С. Д. Полторацкій сообщилъ мнѣ, что это стихотвореніе читано было еще на актѣ, въ 1797 г. Н. Т.

1801. Платону неподражаемому, достойно славящему Господа (Визанія, 25-го Декабря, 1800). Иппокрена. Часть VIII, 1801, стран. 64.
1802. Сельское кладбище, Греева Элегія. См. Вѣстникъ Европы 1802 г., № 24, стран. 219. Перепечатано въ Утренней зарѣ 1803 и въ Сочиненіяхъ изъ нея выбранныхъ. 1809. Т. 1. стран. 72; съ нѣкоторыми измѣненіями.
1803. Вадимъ Новгородскій, историческая повѣсть. См. Вѣст. Европы, 1803. № 23 и 24, стран. 211.
- Человѣкъ, стихотвореніе. Утренняя заря. Книжка 2. 1803. Перепечатано въ Сочиненіяхъ выбранныхъ изъ Утрен-зари. Т. I. 1809 г. Миръ. Ibid.
1806. Пѣснь Барда надъ гробомъ Славянъ побѣдителей. См. Вѣстн. Европы. 1806, № 24.
1807. Орывокъ изъ Делилева диѳирамба, на безсмертіе души. См. Вѣстн. Европы, 1807, № 4, стран. 261.
- Соколъ и голубка. Эпиграммы. Ibid.
- Вечеръ. Ibid. стр. 278.
- Мартышка, показывающая Китайскія тѣни (Басня). Вѣстн. Европы 1807. № 5, стран. 41.
- Сафина ода. Ibid. стран. 44.
- Идилія (Когда она была пастушкою простой) Ibid.
- Къ Эдвину (М. П. Ю.) Ibid. стран. 45.
- Басни: 1) Ссора плѣшивыхъ, 2) Цапля. Вѣстн. Европы, 1807 г. № 6, стран. 113.
- Эпиграммы. Ibid. стр. 115.
- Сонъ Могольца. Ibid. № 7, стран. 192.
- Прощанье старика. Ibid. стран. 194.
- Басни: 1) Мартышка и левъ, 2) Котъ и мышь. Ibid. № 8, стран. 278.
- Сурки и кроль (Басня). Ibid. № 10, стран. 110.
- Похороны Львицы. Ibid. № 4, стран. 189.
- Эльмина къ портрету своей матери, писанному ея дочерью, которыхъ она въ одно время лишилась. Ibid. № 12, стран. 278.
- Старикъ къ молодой и прекрасной дѣвушкѣ. Ibid. стр. 279.
- Эпитафія лирическому поэту. Ibid.

- Котъ и зеркало. Ibid. № 14, стран. 98.
Капунъ и соколъ. Ibid. № 15, стран. 176.
Голубка и сорока. Ibid. № 17, стран. 32.
Соколъ и филомела. Ibid. № 18, стран. 102.
Старый котъ и молодой мышенокъ. Ibid. № 19, стран. 185.
Смерть, разговоръ второй изъ Ангелева Свѣтскаго философа, (переводъ Ж—го), Вѣстн. Евр., 1807, № 3, стран. 161, и № 4, стран. 241.
1808. Романсъ (*Тоска по милымъ*). Вѣстн. Евр. 1808, № 1, стр. 39.
Мальвина, романсъ (Съ Французскаго). Ibid. № 10, стр. 101.
Людмила, Русская баллада. Подражаніе Биргеровой Леоноръ. Ibid. № 9, стран. 41.
Къ Нинѣ (Съ Англійскаго). Ibid. № 8, стран. 272.
Стихи, сочиненные для альбома М. В. П. Ibid. стр. 273.
Гимнъ (Подражаніе Томпсону). Ibid. № 14, стран. 165.
Разстройка семейственнаго согласія. Ibid. № 17, стр. 49.
Кто истинно добрый и счастливый человекъ? Ibid. № 12, стран. 220. Нѣсколько словъ о писателѣ въ обществѣ. Ibid. № 22, стран. 118.
Три пояса (Русская сказка). Ibid. № 23, стран. 197.
Три сестры (Видѣніе Минваны). Ibid. № 2, стран. 148.
Письмо Ж. Ж. Руссо. Вѣстн. Евр. 1818, № 4, стр. 265.
Отрывокъ изъ путешествія Г-жи Жанлисъ въ Англію. Ibid. стр. 302.
Сила нещастія. Ibid. стр. 314.
Не жалкой ли онъ человекъ? Ibid. стр. 315.
Неизъяснимое происшествіе. Ibid. № 6, стр. 94.
О дружбѣ. Ibid. стр. 87.
Ожесточенный. Ibid. стр. 119 и № 7, стр. 173.
О выгодахъ славы. Ibid. № 7, стр. 192.
Густавъ Обинье. Ibid. № 12, стр. 230. № 13, стр. 3. № 14, стр. 98.
Бѣдная Нина. Ibid. № 11, стр. 115.
Марія. Ibid. стр. 3, № 10, стр. 107.
Прусская ваза. Ibid. № 20, стр. 268, № 21, стр. 1.
Вольдемаръ. Ibid. № 19, стр. 185.
1809. Къ Филалету. Вѣстн. Европы, 1809, № 4, стран. 84.

- Благодарность любезному издателю Аглаи. Ibid. № 16.
Моя богиня (Подражаніе Гёте). Ibid. № 17, стран. 31.
Счастье (Изъ Шиллера). Ibid. № 19, стран. 190.
Кассандра. Ibid. № 20, стран. 258.
Плачь Людмилы. Ibid. стран. 263.
Пѣсня (Подражаніе Нѣмецкой: *Счастливъ тотъ и т. д.*)
Ibid. № 18, стран. 92.
Мысли надъ гробомъ Каменскаго. Ibid. № 18, стр. 145.
Марьиная роща (Старинное преданіе). Ibid. № 2, стр.
109, и № 3, стр. 211.
О нравственной пользѣ поэзіи (Письмо къ Филалету). Ibid.
№ 3, стр. 161.
Басни Ивана Крылова (*Разборъ*). Ibid. № 9, стр. 35.
Два слова отъ издателя. Ibid. № 6, стр. 124.
Московскія Записки. Ibid. № 22, стр. 156, и № 23.
О счастіи. Вѣстн. Европы 1809, № 1, стр. 1.
Разговоръ Сенъ Реаля, Эпикура, Сенеки, Юліана и Лю-
довика Великаго. Ibid. стр. 8.
Счастливая ложь. Ibid. № 11, стр. 161.
Письмо Доктора М* къ одному Французскому журна-
листу. Ibid. № 17, стр. 25.
Кабудъ путешественникъ. Ibid. № 19, стр. 166.
Науки. Ibid. стр. 181.
1810. Баснь. Къ Делію. В. Евр. 1810, № 3, стр. 188.
На смерть семнадцатилѣтней Ерминіи. Ibid. стр. 189.
Путешественникъ. Вѣстн. Евр. 1810, № 4, стр. 288.
Къ *** при отъѣздѣ его въ армію. Ibid. № 5, стр. 33.
Пѣснь Араба надъ могилою коня. Ibid. № 7.
Критическій разборъ Кантемировыхъ сатиръ. Ibid. № 3,
стр. 199 и № 5, стр. 42.
Нѣсколько писемъ Іоганна Миллера къ Карлу Бонстет-
тену. Ibid. № 16.
Путешествіе Шатобріана въ Грецію и въ Палестину. Ibid.
№ 17, стр. 18.
Разборъ перевода трагедіи: Радамистъ и Зенобія. Ibid.
№ 22, стр. 102.
Лютна, цвѣты и сонъ. Вѣстн. Европы 1810, № 1, стр. 3.

- Эдуардъ Жаксонъ, Милли и Ж. Ж. Руссо. Ibid. № 2, стр. 81.
О переводахъ вообще и въ особенности о переводахъ стиховъ. Ibid, № 3, стр. 190.
Путешествіе невинности на островъ Цитеру. Ibid. № 7, стр. 174.
Розы Мальзербъ. Ibid. № 12, стр. 251.
Мурадъ несчастный. Ibid. № 14, стр. 81.
Привидѣніе. Ibid. № 16, стр. 249.
Три финика. Ibid. № 17, стр. 47.
Старый башмачникъ бѣдной хижины и восемь луидоровъ. Ibid. № 18, стр. 88.
Романической любовникъ или веселость и старость. Ibid. № 19, стр. 167.
Образъ жизни и нравы рыцарей. Ibid. № 20, стр. 247.
Горный духъ Уръ въ Гельвеціи. Ibid. № 21, стр. 3.
Отрывокъ изъ Шатобріанова путешествія въ Грецію. Ibid. № 22, стр. 138.
Дорсанъ и Люція. Ibid. № 23, стр. 173 и № 24, стр. 253.
1811. Дѣвѣнадцать спящихъ дѣвъ. Вѣстн. Европы, 1811, № 4, стран. 254.
О поэзіи древнихъ и новыхъ. Ibid. № 3, стран. 187.
Аместанъ и Мелединъ, или испытаніе опытности. (Восточная повѣсть.) Съ Французскаго, Вѣстн. Евр. 1811, № 5, стр. 3.
Отрывки изъ писемъ Іоганна Миллера къ Карлу Бонстеттену. Ibid. № 6, стр. 83.
Необходимое и излишнее (Восточная сказка). Ibid. № 7, стран. 163.
Разборъ Электры и Ореста, трагедіи Грузинцова. Ibid. стран. 205.
О краснорѣчій (изъ Essays and Treatises by D. Hume). Ibid. № 9, стр. 14.
Осада Амазіи (Восточная повѣсть). Ibid. № 10, стр. 85.
1812. Вождю побѣдителей. Вѣстникъ Европы 1812. № 21 и 22. стран. 12.
1813. Свѣтлана. Вѣстникъ Европы 1813. № 1 и 2, стр. 67.
Пѣсня въ веселой часъ. Ibid. стран. 76.

- Узникъ мотылку, влетѣвшему въ его темницу (Подражаніе Мейстеру). Ibid. № 3 и 4, стран. 209.
- Жалоба. Ibid. стр. 199.
- Пѣвецъ. Ibid. стр. 200.
- Элизіумъ. Ibid. стр. 201.
- Пиршество Александра или сила гармоніи (Съ Англійскаго). Ibid. стр. 204.
- Адельстанъ (Баллада). Пер. съ Англіиск. Ibid. стр. 202.
- Мечты. Ibid. № 14, стран. 81.
- Къ Батюшкову (въ Маѣ, 1812). Ibid. № 9 и 10, стр. 32.
- Пловецъ. Ibid. № 7 и 8, стран. 195.
- Къ моему другу. Ibid. стран. 196.
- Желаніе. Ibid. стран. 197.
- Къ Филону. Ibid. стран. 198.
- Князю Смоленскому. «Сіе стихотвореніе напечатано при главной квартирѣ Россійской арміи.» См. Сынъ Отечества, 1813 г. № 5, стр. 242.
1814. Ивиковы журавли. Вѣстн. Евр. 1814, № 3, стр. 200.
- Посланіе къ Воейкову (29 Янв. 1814). Ibid. № 6, стр. 97.
- Богатства, слава, честь безумцамъ драгоцѣнны!* Пантеонъ Русской поэзіи, изд. П. Никольскимъ, 1814, Ч. I, стр. 260.
1815. Теонъ и Эсхинъ. Вѣст. Европы 1815. № 5 и 6, стр. 27.
- Аббадона. Сынъ Отечества, 1815. № 22.
- Пѣснь Русскому Царю отъ Его воиновъ. Ibid. № 48, стр. 95.
- Молитва Русскихъ (Строфа изъ «Боже Царя храни»). Ibid. стран. 96.
- Эльвина и Эдвинъ. Амфіонъ, ежемѣсячное изданіе, 1815, № 2, стр. 77.
- Эолова арфа. Ibid. № 3, стр. 61.
- Варвикъ. Ibid. № 4, стр. 59.
- Алина и Альсимъ. Ibid. № 6, стр. 100.
- Библия (Подражаніе Фонтану). Россійскій Музеумъ, журналъ, издаваемый В. Измайловымъ. Ч. I, № 1, стран. 3.
- Эпимесидъ (изъ Парни). Ibid. № 2, стр. 129.
- Къ неизвѣстной дамѣ. Ibid. стр. 147.
- Къ Вяземскому. Ibid. № 3, стр. 257.
- Мотылекъ. Ibid. № 4, стр. 11.

- Эпитафія. Ibid. стран. 14.
Стансы. Желаніе и наслажденіе. Ibid. № 5, стран. 132.
Посланіе къ Вяземскому и Пушкину. Ibid. № 6, стр. 257.
Къ Генералъ-Маіору В. В. Полукетову на выступленіе въ
походъ 1815, 17-го Февраля. Ibid. стран. 269.
Совѣсть, смерть, скромность. Ibid. № 8, стран. 137.
Къ Вяземскому. Ibid. № 9, стр. 253.
Отвѣты на вопросы, въ игру, называемую секретарь.
Ibid. № 10, стран. 7.
1816. Стихи, пѣтые на празднествѣ Англійскаго посла Лорда
Каткарта въ присутствіи Его Императорскаго Вели-
чества. Сынъ Отеч. 1818, № 14, стр. 68. Литературный
музеумъ на 1827 г. изд. В. Измайловымъ, стран. 308.
1817. Элегія, къ Дельвигу. Сынъ Отеч. 1817, № 41, стр. 105.
Красный Карбункулъ. Труды Общества Любит. Россій-
ской Словесности при Импер. Москов. Университ. 1817,
Часть IX, Отд. II. стран. 49.
Овсяный кисель. Ibid. Часть X, стран. 62. Для Немногихъ,
№ 2, стр. 2, переп. въ Сынъ Отеч. 1818, № 11, стр. 190.
1818. Рыцарь Тогенбургъ (Баллада). Для Немногихъ, № 1,
стран. 4. Сынъ Отеч. 1818, № 9, стран. 111.
Утѣшеніе въ слезахъ. Для Немногихъ, № 1, стр. 12.
Жалоба пастуха. Ibid. стр. 16.
Пѣсня (Кольцо души дѣвицы и т. д.) Ibid. стр. 20. Пе-
репечатана въ Сынъ Отечества. 1820, № 33, стр. 323.
Мина. Для Немногихъ, № 1, стр. 26.
Рыбакъ. Ibid. стр. 30. Сынъ Отеч., 1820, № 36, стр. 134.
Новая любовь новая жизнь. Для Немногихъ, № 2, стр. 18.*
Воспоминаніе. Ibid. стр. 22. Листокъ. Ibid. стр. 24.
Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ. Ibid. стр. 26.
Къ мѣсяцу. Ibid. стр. 28.

* Составляя списокъ, я имѣлъ только одинъ номеръ изданія: Для Не-
многихъ, которое теперь составляетъ библиографическую рѣдкость.
Остальные NN были сообщены мнѣ уже по отпечатаніи списка
С. Д. Полторацкимъ, которому и свидѣтельствую мою искреннюю
благодарность. Н. Т.

- Тлѣнность. Для Немнотихъ, № 3, стр. 2.
Утренняя звѣзда. Для Немногихъ, № 3, стр. 16. перепеч.
въ Сынѣ Отечества, 1818, № 21, стр. 69.
Вѣрность до гроба. Для Немногихъ, № 3, стран. 26.
От. 1821, № 17, стр. 137.
Юлія. Голосъ съ того свѣта. Ibid. стр. 30.
Горная пѣсня. Для Немногихъ, № 4, стр. 2.
Деревенскій сторожъ въ полночь. Ibid. стр. 8.
Лѣсной царь. Ibid. стр. 20.
Лѣтній вечеръ. Ibid. стр. 26. Сынъ От. 1821, № 45, стр. 232.
Графъ Габсбургскій. Сынъ Отеч., 1818, № 28, стр. 81.
Гимнъ, пѣтый воспитанниками Санктпетербургской Гим-
назіи на публичномъ экзаменѣ (Боже! Царя храни).
Сынъ Отечества, 1818, № 52, стр. 514.
Ея Императорскому Высочеству Великой Княгинѣ Алек-
сандрѣ Ѳеодоровнѣ. Труды Общества Любителей Сло-
весности при Московск. Университетѣ. 1818, Часть
XI. Отд. II. стран. 3.
О новой книгѣ (Entretiens sur la physique, Профес. Дерпт-
скаго Университета Паррота). Вѣстн. Европы, 1818,
№ 8, стран. 302.
1820. Къ мимопролетѣвшему знакомому генію. Сынъ Отечества,
1820, № 42, стр. 86.
Три пѣсни. Ibid. № 48, стр. 78.
Узникъ. Невскій Зритель, ежемѣсячное изданіе, 1820,
Часть II, стр. 79. Мщеніе. Ibid. стр. 85.
1821. Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ
Маріи Ѳеодоровнѣ (Въ Іюнѣ 1819 года). Сынъ Оте-
чества, 1821, № 1, стр. 21.
Жизнь (Видѣніе во снѣ). Ibid. № 6, стр. 271.
Цейксъ и Гальціона. Ibid. № 9, стр. 73.
Пери и Ангель. Ibid. № 20, стр. 245.
Прежнее время. Ibid. № 50, стр. 179.
Весеннее чувство. Соревнователь просвѣщенія и благо-
творенія (Труды Высочайше утвержденнаго вольнаго
общества любителей словесности), 1821, Ч. XIII, стр. 88.
Къ портрету Гёте. Ibid. стр. 35. Московскій Телеграфъ,
1827, № 12, Отд. II. стран. 129.

1822. Къ Княгинѣ А. Ю. О.....ой. Сынъ Отечества, 1822, № 1, стр. 30.
Къ Княгинѣ А. Ю. О.....ой. Ibid. № 10, стр. 127.
Пѣсня (Отнимаетъ наши радости). Ibid. № 15, стр. 35.
1823. Ангель и пѣвецъ (Гатчина, Окт. 5, 1823). Сынъ Отечества, 1823, № 41, стр. 33.
Прощаніе Іоанны съ своею родиною (изъ Орлеанской Дѣвы). Полярная звѣзда. 1823.
Смерть Пріама (Изъ Энеиды) Ibid.
1824. Путешествіе по Саксонской Швейцаріи. Полярная звѣзда, 1824 года. Рафаэлева мадонна. Ibid.
Прощальная пѣснь, пѣтая воспитанницами Общества Благородныхъ дѣвицъ, при выпускѣ 1824 года. Сынъ Отечества 1824 № 1, стран. 334.
1825. Привидѣніе. Сѣверные цвѣты, альманахъ на 1825 г. стр. 257.
Таинственный посѣтитель. Ibid. стр. 258.
Ночь. Ibid. стр. 286.
Мотылекъ и цвѣты. (Стихи, написанные въ альбомъ Н. М. М. на рисунокъ, представляющій бабочку, сидящую на букетѣ изъ pensées и незабудокъ). Ibid. стр. 357.
1827. Къ Н. Н. Московскій Телегр. 1827, № 9, Отд. II, стр. 3.
Поэзія въ видѣ Лалла Рукъ. Памятникъ отечественныхъ музъ. Изданный на 1827 годъ, Б. Федоровымъ, Отд. II, стран. 4.
Отрывокъ изъ письма въ Москву. Ibid. стр. 8.
Стихи присланные съ комедіями къ К***. Ibid. стр. 10.
Къ ней. Ibid. стр. 12.
Письмо къ А. Л. Нарышкину. Ibid. стр. 18.
На смерть чирика. Ibid. стр. 44.
Надгробіе И. П. и А. И. (Тургеневымъ). Ibid. стр. 47.
Къ Графинѣ Ш. Ibid. стр. 50.
Амуръ и мудрость. Ibid. стр. 64.
Невыразимое. Ibid. стр. 262.
- NB. Издатель «Памятника отечественныхъ музъ» замѣчаетъ, что всѣ стихотворенія Жуковского, напечатанныя въ его альманахѣ, сочинены имъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ.
Отрывокъ изъ письма о Саксоніи, Моск. Тел. 1827. № 6, Отд. I, стр. 114.

1829. Торжество побѣдителей. Сѣверные цвѣты на 1829 годъ,
Отд. II, стр. 3.
Видѣніе. Ibid. стр. 49.
Отрывки изъ Иліады. Ibid. стр. 76.
Море. Ibid. стр. 152.
1832. Сказка о спящей царевнѣ. Европеецъ, журналъ наукъ и
словесности, изд. Ив. Кирѣевскимъ, 1832, № 1,
стр. 24. Перепечатано въ Литературныхъ прибавленіяхъ
къ Русскому Инвалиду, 1832, № 16, стр. 124.
Война Мышей и Лягушекъ (Отрывокъ изъ неоконченной
поэмы). Европеецъ, № 2, стр. 143, перепеч. въ Литтер.
прибавл. къ Русскому Инвалиду, № 46 и 47, стр. 369.
Сраженіе съ змѣемъ (Изъ Шиллера). Сѣверные цвѣты на
1832 г. стр. 187.
Отвѣтъ И. И. Дмитріеву. Ibid. стран. 11.
1833. Сказка о царѣ Берендеѣ, о сынѣ его Иванѣ Царевичѣ,
о хитростяхъ Кощея безсмертнаго, и о премудрости
Марьи Царевны, Кощеевой дочери. Новоселье, Томъ I.
Тожъ 2-е изданіе, 1845 г., стр. 29.
1834. Норманскій обычай. Библіотека для Чт. 1834, Томъ I, стр. 4.
Старый рыцарь. Ibid. Томъ II, стр. 17.
Судъ въ подземельѣ (послѣдняя глава недоконченной
повѣсти). Ibid. Томъ III, стр. 1.
Уллингъ и его дочь. Ibid. Томъ IV, стр. 31.
Божій судъ. Ibid. Томъ VI, стр. 11.
Роландъ оруженосецъ (31 Октября 1832, Верне, на бе-
регу Женевского озера). Новоселье, Т. II. Тожъ, изд. 2-е
стр. 185. Перепечатано въ Литературныхъ прибавле-
ніяхъ къ Русскому Инвал. 1834. № 45, стр. 356.
Элевзинскій праздникъ (изъ Шиллера). Новоселье, Т. II,
изд. 2-е, стр. 75.
1835. Отрывокъ изъ повѣсти Ундина. Библ. для Чтенія, 1835, № 9.
1836. Ночной смотръ. Современникъ, литтературный журналъ,
изд. А. Пушкинымъ, Томъ I, стр. 14.
Объ историческихъ таблицахъ В. А. Жуковского. Статья
г. Краевского Журн. Мин. Нар. Просв. 1836, № 6,
стр. 409. Здѣсь приложены самыя таблицы Жуковского.
1837. Цвѣтокъ. Современникъ, 1837, Томъ V, стр. 143.

- Послѣднія минуты Пушкина. Ibid. Томъ I, стр. I—XVII.
1838. Stabat mater. Современникъ, 1838, № 1, стр. 157.
1839. Бородинская годовщина. Стихотворенію предшествуетъ
Отрывокъ изъ письма къ Ея Императорскому Высочес-
ству Великой Княгини Маріи Николаевны. Современ-
никъ, 1839, Томъ XVI, стр. 193.
- Сельское кладбище, Греева элегія. Ibid. стр. 216. Здѣсь
приложены три рисунка, снятые съ натуры пере-
водчикомъ.
- Камоэнсъ, драматическій отрывокъ. Отечественныя За-
писки, 1839, Томъ VI, стр. 1.
1840. Молитвой нашей Богъ смягчился. Современникъ, 1840,
Томъ XVII, стр. 112.
- О стихотвореніяхъ И. И. Козлова. Ibid. Томъ XVIII,
стр. 83. (*первой нумераціи*).
- Поэту Ленеосу, въ отвѣтъ на его посланіе ко мнѣ, писанное
на случай посѣщенія Сардама Е. И. В. Великимъ Кня-
земъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ (Амстердамъ 7го
Апрѣля. 1839). Утренняя заря, альманахъ на 1840 годъ,
стр. 440.
1842. 1-е Іюля 1842 года. Москвитянинъ, 1842, № 12, стр. 261.
1844. Письмо В. А. Жуковского. Современникъ, 1844, № 12,
стр. 257. Перепечатано въ Москвитянинѣ, 1844, № 12,
стр. I—IV.
1845. Двѣ повѣсти въ подарокъ издателю Москвитянина. Москвит.
1845, № 1, стр. 12.
- Отрывокъ письма. Ibid. стр. 37.
1846. Выборъ креста (Изъ Шамиссо). Соврем. 1846, № 1, стр. 5.
Коть въ сапогахъ (Сказка). Современникъ, 1846, Т. XLIV.
Капитанъ Боппъ. Вчера и сегодня. Кн. I.
1847. Египетская тьма. Московскій Сборникъ, на 1847 г., стр. 188.
1848. Не тревожься великанъ. Москвит. 1848. № 9, стр. 3.
О поэтѣ и его современномъ значеніи. Письмо къ Н.
В. Гоголю. Ibid. 1848. № 4. стр. 114.
1849. Двѣ сцены изъ Фауста. Москвит., 1849, № 1, Отд. III,
стр. 13.
- Четыре сына Франціи. Ibid. № 8, стр. 228.

59474

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00653216